

Завещание рождественской утки

Автор:

Дарья Донцова

Завещание рождественской утки

Дарья Донцова

Виола Тараканова. В мире преступных страстей #34

И почему я, Виола Тараканова, не умею говорить «нет»? Зазвала меня в гости начальница пиар-отдела издательства, выпускающего мои книги под псевдонимом Арина Виолова, и вот уже я с коробкой пиццы под мышкой стою у ее дома. Дверь оказалась открытой, а дом – пустым... Вдруг я увидела в окно, как бесчувственную Веру уносит на своем плече... оборотень! Меня, конечно, убедили, что это просто эротические игры, но на следующий день Веру обнаружили мертвой! Она погибла в ночь на пятнадцатое декабря, и выяснилось: уже третий год подряд в этот вовсе не красный день календаря кто-то убивает женщин, которых объединяет одна примета – глаза разного цвета. Таких до сих пор считают ведьмами! Следствие ведет мой бывший муж Олег Куприн, поэтому узнать все раньше его для меня дело чести! Но сначала надо выполнить необычную просьбу издательства – помочь моему верному фанату Ивану Зарецкому. Он хочет заранее организовать... свои собственные похороны!

Дарья Донцова

Завещание рождественской утки

Глава 1

Если хотите отомстить мужчине, наведите идеальный порядок в его гараже.

– Ну почему папа разозлился? – ныла Вера Филиппова, устремив на меня взгляд своих странных разноцветных глаз. – Что плохого я сделала? Зашла в бокс, хотя раньше никогда туда не заглядывала, и ахнула – там просто бардак бардакович! На полках полно пустых банок из-под растворимого кофе, в которые прямо-таки inferнальная дрянь насыпана: ржавые гвозди, запутанные бечевки, винтики, гайки. Коробок гора громоздится, а внутри детские колготки рваные, тряпки замасленные, гора полотенец, которые давно выбросить пора. По углам валяются пустые пластиковые бутылки, кипы газет-журналов. Короче – мрак! У одной стены засаленная софа, она раньше у бабушки на даче в сарае стояла. Я когда дом Ангелины Федоровны после ее смерти переделывать начала, папу попросила тахту на помойку оттащить. Думала, эта ровесница египетских пирамид давно сгнила. Ан нет, мой родитель ее в гараж приволок. Настоящий Плюшкин! Но самое великолепное – телевизор. Представляешь, черно-белый, еще советского производства, похожий на гроб. В качестве антенны из него торчали длинные вязальные спицы, а к ним крепились крышка от бака для кипячения белья... Вилка, очнись, ты меня слушаешь?

– Очень даже внимательно, – ответила я. – И как ты поступила, увидев живописную инсталляцию, созданную Георгием Петровичем?

– Воспользовалась тем, что отец уехал на две недели в санаторий, засучила рукава и разгребла все, привела гараж в идеальное состояние, – пояснила Вера. – Выкинула всю хрень-дребедень, отмыла полки, застелила их красивыми скатерками. Чуть не умерла, пока софу вытаскивала! Не поленилась съездить в магазин, приобрела раскладное кресло. Новое! Идеальный вариант – если хочешь прилечь, оно кровать, а в собранном виде лишнего места не занимает. Накрыла его прелестным голубеньким флисовым пледиком.

– И от телика избавилась? – еле сдерживая смех, поинтересовалась я.

– Конечно, – подтвердила Филиппова. – Оцени мои старания: установила современный, с плоским экраном и прекрасной антенной, который кучу каналов ловит. В качестве завершающей точки принесла оригинальную круглую вазу с букетом роз.

– Ну ты даешь! – хихикнула я. – Небось, допотопные «Жигули» Георгия Петровича пришли в восторг при виде цветов? Ты была первая, кто им букет подарил. Автомобиль не зарыдал от умиления?

– Человек должен жить красиво! – взвилась Вера. – Вот почему все пожилые люди такие? Как на дачу выедут – бомжами вырядятся, в гаражах помойку устраивают, склад ненужных вещей. Да и дома у них прямо лавка старьевщика. Между прочим, бокс я украсила не живыми цветами, а композицией из искусственных, они смотрятся даже лучше настоящих и пахнут волшебю. Это новая фишка – лепестки тряпичные, но с ароматом, их стойкими духами опрыскивают. А папа... Ты даже не представляешь, что он сказал!

– Почему же? Догадываюсь, каким эпитетом Георгий Петрович наградил «прелестный голубенький флисовый пледик», – сдавленным голосом произнесла я и, не сдержавшись, расхохоталась.

Начальница пиар-отдела издательства, которое выпускает детективы Арины Виоловой (это, напомню, псевдоним, под которым выходят в свет опусы Виолы Таракановой, то есть мои), постучала кулачком по столу.

– Вот, вот, все на мой рассказ одинаково реагируют. Главный редактор глаза закатил: «Верка, ты идиотка». Я пожаловалась на отца, который меня не поблагодарил, а, наоборот, обозлился, нашему начальнику охраны, а тот заорал: «Филиппова, я б тебя за такое убил!» За какое – «такое»? За идеальный порядок на месте свинарника? Вилка, ты меня удивила. Я считала, что у нас в «Элефанте» мужики странные подобрались, а ты женщина, писатель, и туда же!

Вера опустила уголки рта и отвернулась.

– Не дуйся, – попросила я. – Лучше скажи, зачем попросила меня приехать.

У Филипповой легкий характер. Она не злопамятна и может сердиться на вас от силы две минуты. Услышав мой вопрос, Вера мигом выкинула из головы мысли о гараже и затараторила:

– Определился победитель конкурса. Им стал Иван Николаевич Зарецкий, милейший дядька. Вы легко найдете общий язык, понравитесь друг другу. Встречаетесь сегодня через два часа. Зарецкий расскажет тебе о своем

заветном желании... Вилка! Почему ты молчишь?

– Извини, пока не знаю, о чем речь, – призналась я.

Вера схватила со стола лист бумаги и начала им обмахиваться.

– Я же тебе в январе всю акцию в подробностях описала!

– Прости, – смиренно произнесла я, – на дворе середина декабря, прошел почти год, девичья память госпожи Таракановой дала сбой. Сделай одолжение, введи меня еще раз в курс дела.

Филиппова стала рыться в кипах папок, заваливавших ее стол. Я молча ждала, пока она отыщет нужную.

Верочка трудится в «Элефанте» со дня основания издательства. Пришла на должность секретарши, параллельно с работой училась и поднималась вверх по карьерной лестнице. Ей никто не помогал, у нее не было влиятельных друзей, богатых родителей или чиновного мужа. Одним словом, Филиппова – реальный пример того, как при помощи трудолюбия, исполнительности и любви к своему делу можно многого в жизни добиться. Сейчас Вера входит в совет директоров «Элефанта», возглавляет отдел рекламы и пиара. Но «медные трубы» не сделали ее ни чванливой, ни заносчивой, ни хамоватой, она по-прежнему приветлива как с сотрудниками, так и с авторами. Кстати, вы замечали, что хорошие люди, как правило, выглядят намного моложе своих злых, завистливых и подлых ровесников? Филиппова кажется юной выпускницей школы, хотя, думаю, ей за тридцать. И для меня загадка, почему Верочка, весьма симпатичная внешне, со стройной фигуркой, веселая, умная, хорошо зарабатывающая, до сих пор не имеет семьи.

Однажды Люся Коткина, заведующая отделом прозы, на вечеринке, посвященной Восьмому марта, выпив слишком много шампанского, громогласно заявила Филипповой:

– Не прикидывайся ангелом, я знаю: ты настоящая ведьма! Потому и кукуешь одна. Не будет у тебя личного счастья.

Вера решила превратить ее грубость в шутку:

– Метла бы мне не помешала, а то сегодня я простояла в пробке четыре часа. Представляешь, как круто? Народ толкается на дороге, а я лечу, оседлав помело!

Но Коткину так просто не остановишь.

– У всех колдуний глаза разные! – заорала она. – Вот и у тебя один карий, другой голубой. Тебя замуж никто никогда не возьмет!

Помнится, у меня тогда мелькнула мысль: вдруг мужчины, как и Люся, верят в глупые приметы и именно поэтому Верочка не нашла свою вторую половинку?

К слову сказать, в последнее время Людмила совершенно распоясалась. Хотя Коткина и раньше не отличалась вежливостью. Она вполне могла, столкнувшись с вами в коридоре «Элефанта», вместо «здравствуй» сказать: «Зря ты в белые брюки вырядилась – и так задница здоровенная, а сейчас вообще шире Сибири стала». С начала весны она упорно оттачивает свое «остроумие» на Филипповой, не упускает момента, чтобы побольней ущипнуть ее.

Когда Людмила Павловна стала демонстрировать открытую нелюбовь к Вере, я подумала, что Филиппову хотят уволить. Коткина, позиционирующая себя как предельно откровенного человека, всегда говорящего людям в лицо исключительно то, что она о них думает, никогда не хамит ни начальству «Элефанта», ни топовым авторам, вот такое у нее избирательное правдолюбие. То есть я хочу сказать, что заведующая отделом прозы такая лакмусовая бумажка, и если вы слышите от нее пакости, следует насторожиться: вероятно, вас ждут неприятности. Но Филиппова до сих пор руководит пиар-службой, и я не понимаю, почему Людмила, изменив своим правилам, ее шпыняет. Слегка напрягает меня и позиция Верочки, которая вообще-то может адекватно ответить хамке, но она лишь улыбается, делая вид, что не слышит мерзких оскорблений.

Тогда, на празднике Восьмого марта, Филиппова просто отошла в сторону. А спустя пару дней я приехала в издательство и увидела, что у Веры... оба глаза карие. Очевидно, мне не удалось скрыть удивление, потому что она сказала:

– Ну давай, спрашивай... Ты будешь сто пятьдесят пятым человеком, интересующимся цветом моих очей. Ладно, сразу объясню: я вставила линзы.

– Не стоит обращать внимание на Коткину, – забубнила я, – она полная идиотка.

Верочка похлопала длинными, по-кукольному загнутыми ресницами.

– Я давно привыкла к реакции людей на то, что глаза у меня разные. В детстве из-за этого меня часто обзывали уродкой. А в садике воспитательница постоянно орала: «Верка, хорош на меня зыркать! Из-за твоих взглядов у меня несчастья случаются!» Правда, потом я в детдом попала, и вот там никто мне слова плохого не сказал.

– Милая дама... – пробормотала я, по достоинству оценив педагогические способности воспитательницы. – Не знала, что ты росла в приюте.

– А зачем об этом на всю округу кричать? – улыбнулась Вера. – Хотя я не скрываю подробности своей биографии. Попала в интернат в восемь лет, когда мама и папа умерли. А родственников у меня нет. Сначала нелегко было. Каждый вечер, укладываясь спать, я думала: «Почему бог такой злой? По какой причине не послал ко мне доброго ангела, который спас бы меня от приюта?» Но постепенно привыкла. А через два года решила: хватит ныть, надо работать, никто мне не поможет, единственный мой шанс пробиться – получить золотую медаль и поступить в институт. А вот как я отличного аттестата добивалась, это отдельная история.

– Но у тебя же есть отец, Георгий Петрович! И была бабушка! – с запозданием вспомнила я.

– Точно, – заулыбалась Вера, – только они мне не родные. Отец работал мастером на заводе, который над детдомом шефствовал. И как-то под Новый год Георгий Петрович по поручению месткома привез детям подарки. Ничего особенного, кулечки с конфетами. Вручил их, с ребятами у елки хоровод поводил, домой засобирался. Двинул к выходу и услышал в закутке тихий плач, заглянул туда, а там я хнычу, потому что хулиган Боря Юрков отнял у меня подарок. Интернат был хороший, нас ни воспитатели, ни учителя, ни заведующая не обижали, кормили вкусно, даже баловали, но дети попадались разные. Вот этот Борька на глазах у педагогов пай-мальчика из себя строил, а

когда старшие отворачивались, маленьких бил, игрушки и вкусности у них отбирал. Ух, как Георгий Петрович тогда разозлился! Скандал устроил, потребовал наказать хулигана, на директрису наорал, педагогический состав построил, пообещал комиссию в детдом прислать, чтобы порядок навели. И уехал. А мне потом от Юркова по полной досталось. Мерзкий мальчишка поплакал в кабинете заведующей, пообещал более никогда никого не обижать, а сам дождался, когда Георгий Петрович уедет, подстерег меня в укромном месте и поколотил от всей души. Потом увидел, что натворил – у меня все лицо в крови было, – испугался и припугнул: «Если скажешь, что я тебя за ябедничество наказал, из окна вытолкну. Будут спрашивать, почему морда разукрашенная, – отвечай, что упала и об пол стукнулась. Не то еще хуже будет!» Я побежала в ванную умываться и в холле наткнулась на Георгия Петровича, он шапку на вешалке забыл, вернулся за ней с полдороги.

Филиппова засмеялась.

– Мало Борьке не показалось. До сих пор приятно вспоминать, как отец ему уши драл. С той поры Георгий Петрович обо мне и заботится. Хотел удочерить, но не разрешили – он же холостяк, никогда жены не было, жил с матерью, а по тогдашним законам сироту только в полную семью отдавали. Но он не сдался, уговорил заведующую, чтобы та разрешила мне субботу и воскресенье в его с Ангелиной Федоровной доме проводить. И я стала жить в ожидании вечера пятницы. Ну а когда в институт поступила и из приюта ушла, перебралась к Мишкиным навсегда. Они для меня самые родные и близкие люди, папа и бабуля. Ангелина Федоровна завещала мне свою дачу в поселке Тихий, это теперь, считай, Москва. Да ты не раз у меня там бывала, видела, как я ее перестроила.

– Благоустроенный коттедж с очень красивым интерьером, – похвалила я жилище Филипповой.

– Обожаю свой дом, – кивнула Вера. – Воздух в поселке упоительный. И хоть железная дорога неподалеку, это не мешает. А папе не особенно на природе нравится. Я ему комнату обустроила, но он предпочитает в городе задышаться, еле-еле его в санаторий выталкиваю... Нет, Вилка, я не переживаю по поводу своих разноцветных глаз. И не обращаю внимания на лягушек, которые выпрыгивают изо рта Коткиной. А линзы нацепила потому, что вдруг на корпоративе в голову пришла мысль: я могу менять цвет глаз под наряд. Понимаешь? Мне повезло как никому!

Тот разговор состоялся весной, а сегодня Филиппова была в своем, так сказать, естественном виде, без контактных линз.

– Нашла! – объявила она, наконец вытаскивая на свет божий пару листов. – Слушай. «В связи с положением на книжном рынке...»

– Пожалуйста, не надо зачитывать весь документ, – взмолилась я, – передай смысл своими словами.

Верочка откашлялась.

– Попробую. Ты получаешь деньги с каждой проданной книги, поэтому заинтересована в больших тиражах. Издательство тоже хочет увеличить прибыль. О'кей, наши интересы совпадают. Нам надо, чтобы имя «Арина Виолова» мелькало в прессе. В принципе, все равно, что говорят, лишь бы не молчали. Поэтому «Элефант» постоянно устраивает акции. В начале года мы запустили проект «Арина Виолова выполняет заветные желания». Условия конкурса простые: купи книгу детективщицы, найди в ней купон, напиши на нем, о чем мечтаешь, и отправь нам по почте.

– Тогда оно никогда не дойдет, – хмыкнула я.

– Можно воспользоваться Интернетом, там специально открыли сайт под это мероприятие, – продолжала Верочка. – А еще надо сфотографировать твои книги, те, что есть у читателя дома, и снимок тоже отослать. В начале ноября мы подведем итог и выберем победителя. Ты исполнишь его желание, и тогда мы созовем журналистов, устроим торжественное закрытие акции, фуршет. Здорово?

– Угу, – пробормотала я, – прекрасная идея. Но меня смущает роль доброй волшебницы. Что прикажешь делать, если человек попросит купить ему квартиру или дорогую иномарку, надумает отправиться в кругосветное путешествие?

– Ну я же не дура, – обиделась Вера. – Алчных мы сразу отсеяли, выбрали милейшего мужчину, Ивана Николаевича Зарецкого. Я беседовала с ним по телефону не один раз и могу заверить, что это адекватный, воспитанный, не

молодой, но и не старый человек, сорока девяти лет, причем весьма обеспеченный – ему ни жилья, ни денег, ни машин не надо. И вот самое главное, Вилка: он тебя обожает, хранит дома полное собрание твоих сочинений, посадил на детективы Арины Виоловой своих служащих. Зарецкий – владелец крупного коммерческого банка.

– Что же он хочет? – удивилась я.

– Повеселиться, – засмеялась Филиппова. – Иван Николаевич объяснил нам: «Скоро у меня состоится торжественное событие. Мечтаю, чтобы Арина участвовала в его подготовке, съездила со мной пару раз в агентство, помогла найти ресторан, ну и так далее. Обещаю учесть все ее пожелания. Если она решит, что для презентабельности нужен слон, его приведут. С деньгами проблем нет». Вчера банкир получил от нас сертификат, где написано: «Сценарий торжества от Арины». Прямо вижу заголовки в прессе: «Писательница подарила фанату праздник». Красиво, благородно и прекрасно сочетается с твоим имиджем.

– Он же сам оплачивает мероприятие, – напомнила я, – это не совсем подарок получается.

– Нас интересует, как отреагируют журналюги, а не правда жизни, – отмахнулась Вера. И насторожилась: – Эй, ты не хочешь помогать Зарецкому?

– Ну... если честно, времени жаль... – протянула я. – Кстати, наконец-то я вспомнила, как ты мне прошлой зимой об этой акции рассказывала. Если не ошибаюсь, ты пообещала: «Не волнуйся, просто сходишь с фанатом пообедать». А теперь совсем иное вырисовывается.

– Нам идея с торжеством показалась замечательной, – растерялась Вера. – И что теперь делать? Сертификат выдан, отнять его – нонсенс. Но, Вилочка, если ты категорически не желаешь...

– Нет, нет, – остановила я Филиппову, – просто у меня приступ хандры. Костя вчера улетел в Америку, у него там дела, вернется через неделю или две, вот я и впала в уныние. Говори, где надо встретиться с Зарецким, с моей стороны ни малейших проблем не возникнет.

– Ты золото! – обрадовалась Вера. – Самородок чистой воды на сто карат!

– Тогда уж бриллиант, – поправила я.

– Ты наша общая радость! – продолжала Вера. – Слушай, приезжай сегодня ко мне домой в районе девяти. О'кей? Есть новая гениальная идея по твоей раскрутке.

– Спасибо за приглашение, но нет, – отказалась я, – у меня занятия по скалолазанию.

Вера понизила голос:

– Кстати, о твоём новом увлечении... Честно говоря, не нравится оно мне.

– Скалолазанием я занимаюсь с прошлой зимы, – возразила я, – и сделала большие успехи. Обычный фитнес – бассейн, йога и прочее – кажется мне неинтересным, а пришла на полигон – и сразу поняла: вот это мое.

– Опасно же! – не утихала Филиппова. – А ну как упадешь? Покалечишься?

Я пустилась в объяснения:

– Тренировки проходят в специально оборудованном месте, с тренером, нас страхуют. И я не только взбираюсь по стенам, ещё осваиваю разные технические штучки. Сейчас полно всяких приспособлений. Например, особый крюк с веревками – цепляешь его за верх стены, садишься на перекладину, пультом включаешь механизм, и тебя медленно втаскивает наверх, руки не задействованы. Гениальное устройство, занимает мало места, простое в обращении. Слушай, хочешь, я тебя с собой на полигон возьму? Поверь, невероятно позитивные ощущения испытаете.

Вера прищурилась:

– Я пока не готова к экстриму. И очень прошу, отложи сегодняшнюю забаву в стиле человека-паука. Знаешь, в моём кабинете кое-какие вопросы обсуждать невозможно, стены здесь тонкие, дверь вообще фанерная, а я не желаю, чтобы

кто-то услышал нашу с тобой беседу. Поверь, новый проект, о котором я хочу рассказать, фантастичен. Арина Виолова станет звездой экстра-класса!

– Но меня ждет инструктор, – вяло сопротивлялась я.

Филиппова перешла на шепот.

– Не дури. Еле-еле уговорила Реброва дать денег на реализацию этой идеи. Буду откровенна: Гарик хотел сделать центром новой необычной акции литератора Богданова, но я отстояла тебя. Вилка, не упусти свой шанс! Потом, когда о Богданове вся пресса заговорит, ты руки до локтей от досады сгрызешь. Не глупи! Короче, жду тебя в двадцать один ноль-ноль. Как раз, учитывая пробки, с работы прикачу. Сядем в столовой и спокойно, без нервов и оглядки на дверь, все обсудим.

– Может, завтра? – предприняла я последнюю попытку отвертеться. – В девять часов поздно, это долгий разговор, спать захочется, а мне потом ночью домой ехать.

– Костя в Америке, зачем тебе к себе ехать? Останешься у меня, – отмела все сомнения Вера. – Впрочем, если не хочешь получить миллионные тиражи...

– Хочу, – выпалила я.

Филиппова улыбнулась.

– Значит, договорились: как только телевизор начнет показ программы «Время», ты появишься у меня. И останешься ночевать.

– Хорошо, – кивнула я, вслушиваясь в неожиданно возникший в коридоре шум.

Обычно в «Элефанте» стоит тишина, но сейчас за дверью нарастал гул голосов. Затем дверь кабинета Филипповой резко распахнулась, внутрь с воплем «Он умирает!» влетела кругленькая, смахивающая на пончик девушка.

Я вздрогнула, но Вера не проявила беспокойства:

– Петрова, давай без истерик! Вдох-выдох!

Девушка послушно засопела.

– Молодец, – похвалила Вера, – теперь вещай.

Девушка застрекотала сорокой:

– Он с Олесей говорил, и тут его скрючило. Ноги-руки задергались. Страшно, аж жуть! Тамара Геннадьевна прибежала и Людмила Коткина. Сейчас там стоят. А его колбасит и плющит.

Филиппова скрестила на груди руки.

– Анна, ты работаешь в крупном издательстве, лучшем в России и Европе. Подумай, к лицу ли младшему сотруднику пиар-службы употреблять глаголы «колбасит» и «плющит»? Если я правильно тебя поняла, кому-то в вашем с Королевой кабинете стало плохо и сотрудники позвали заведующую отделом научной книги Тamarу Рогову, ранее работавшую врачом. Пошли посмотрим, что происходит.

– Вызывайте «Скорую»! – крикнул из коридора пронзительный дискант. – Да предупредите, чтоб ехали быстрее!

Филиппова вскочила и бросилась к двери, мы с Анной поспешили за ней.

Глава 2

В большой комнате на полу лежал молодой мужчина. Около него на коленях стояла женщина лет шестидесяти.

– Боже, Иосиф... – ахнула Вера. – Что с ним, Тома?

– Приступ эпилепсии, – ответила Рогова. – Но не сильный, думаю, он регулярно лекарство принимает. Нужно вызвать «Скорую», необходимо понаблюдать за больным после припадка.

Мужчина открыл глаза и попытался сесть, Тамара Геннадьевна удержала его за плечи:

– Иосиф Петрович, вам лучше не двигаться.

– Порядок, – тихо ответил тот, – это не падучая.

Рогова прищурилась.

– Да? Вы уверены?

Он вытянул вперед руки.

– Помогите мне сесть. Извините, что напугал. У меня вегетососудистая дистония.

Петрова ойкнула и шарахнулась в сторону.

– Это не заразно, – сказала Тамара.

– Верно, – подтвердил Иосиф. – Года два как началось – руки-ноги немеют, и я падаю. Еще раз прошу прощения, отмените приезд докторов. Я сам имею медобразование, правда среднее, но хорошо знаю: бригада «Скорой» ничем в моей ситуации не поможет.

– Пойдемте ко мне, – засуетилась Верочка. – Полежите на диване, попьете чаю... Аня, сбегай в столовую. Иосиф Петрович, вам надо подкрепиться. Петрова, помоги нашему любимому автору.

– Я сам, – сердито произнес Иосиф.

Затем он довольно резко поднялся и пошатнулся. Но был подхвачен под руки Аней и незнакомой мне, молча стоявшей у стены девушкой, а потом под

предводительством Филипповой уведен из кабинета. Мы с Роговой остались одни.

– Жаль парня, – вздохнула Тамара, – с эпилепсией жить не просто. Он молодец, сразу после припадка встал, хотя это практически невозможно, делает вид, что ничего не случилось. Такие сильные люди могут подчинить себе болезнь, контролировать ее. Думаю, он принимает правильные лекарства.

– Иосиф говорил о дистонии, – прервала я Рогову.

Тамара Геннадьевна села в кресло.

– Вилочка, многие больные скрывают свой недуг. Видела, как глупая Аня от него даже при словах «вегетососудистая дистония» шарахнулась? Дремучесть населения поражает, Петрова испугалась заразы. Многие полагают, что от эпилептика надо держаться подальше, а то, не дай бог, подцепишь падучую. Наверное, Иосиф сталкивался с дураками, отсюда и лукавство. Ну и еще он не хочет ставить издательство в известность о своих проблемах со здоровьем. Нам предстоит подписать с ним контракт на пять лет, будем его раскручивать. Небось бедняга опасается, что издательство побоится вкладывать деньги в человека, страдающего эпилепсией, решит не связываться с хроником. Некоторый резон в его страхе есть. В прошлом году мы собирались масштабно выводить на рынок Ольгу Соломину, прекрасного повара, написавшую замечательную кулинарную книгу. «Элефант» выстроил стратегию развития бренда, намеревался отправить Олю в тур по России, ей предстояло давать мастер-классы, обучать желающих жарке-варке. И вдруг выяснилось, что у нее СПИД – ей во время кесарева сечения переливали кровь, а та оказалась от зараженного донора. Проект умер, не родившись.

– Да, мало найдется желающих обучаться кулинарному искусству под руководством носителя вируса иммунодефицита, но у Иосифа Петровича другой случай, – заспорила я. – Эпилепсией, даже если порежешь палец, никого не заразишь, и воздушно-капельным путем она не передается.

– Еще раз вспомни Аню, – напомнила Тамара Геннадьевна.

– А что Иосиф Петрович пишет? – полюбопытствовала я.

– Варламов – замечательный массажист и хиропрактик, – пустилась в объяснения Рогова. – Да, у него за плечами не институт, а всего лишь медучилище, однако, я уверена, не все дипломированные врачи знают столько, сколько Иосиф, и не относятся к больным так трепетно, как он. Его откопал наш главный редактор. У Юры беда с шеей приключилась, он постоянно болеутоляющее пил, головокружениями страдал, собирался в Германии операцию делать по замене одного из позвонков на искусственный. И тут ему кто-то посоветовал Варламова. Спустя три месяца Юрий о болезни забыл, а Иосиф стал всех наших лечить. Он не просто делает массаж, а меняет стиль жизни больного: составляет особый рацион питания, рекомендует специальные упражнения, следит, как пациент себя ведет. И постоянно остается на связи с подопечным, ему можно позвонить в любое время – днем, ночью, в праздник. Уникальный человек, врач от бога! Я не оговорила, называя Иосифа врачом, хотя терпеть не могу тех, кто, не имея специального образования, лечит людей. Кстати, знаешь, что один известный телелекарь не имеет ни малейшего отношения к медицине? Он слесарь, учился в ПТУ. Юрий попросил Иосифа написать книгу, и мы ее выпустили под названием «Жизнь в радость». Тираж зашкалил, планов у издательства образовалось громадье. Варламов очень работоспособный человек, успевает писать и больными заниматься. А еще он мне нашел замечательного переводчика. Понимаешь, переводчика для художественного произведения отыскать не так уж и трудно, а вот с научной литературой в этом плане сложнее, надо хорошо знать специальные термины. Иосиф предложил мне поработать с неким Павлом Олеговичем. Это его пациент, лежащий больной, спинальник, из дома не выходит. Так ты не поверишь, каким тот прекрасным профессионалом оказался. Варламов очень добрый человек! Ведь мог и не помогать клиенту, а он позаботился о нем. И сейчас возит ему заказы от меня и доставляет в издательство готовую работу, является представителем Павла. Переводчик массажисту генеральную доверенность на ведение всех своих дел написал. Много ты знаешь людей, которые так о постороннем заботиться станут? Да большинству народа и до близких-то родственников нет дела!

Тамара Геннадьевна вдруг осеклась. Затем встала, подошла ко мне, взяла за руку и проникновенно сказала:

– Вилка, знаю, ты не болтлива и совсем не вредный человек, но все равно прошу: пожалуйста, не говори никому, что у Варламова эпилепсия. Я могу ошибаться, да и не ставят диагноз на основании беглого осмотра. Иосиф говорил про дистонию? Что ж, ему лучше знать, чем он страдает.

– Не стоит волноваться, – успокоила я Рогову. – Мне известно, что падучая не имеет ничего общего с душевным заболеванием и ею страдали гениальные люди, например Цезарь, эрцгерцог Карл, папа Пий Девятый, Достоевский, Флобер. Скорее всего, у Иосифа действительно вегетативная система шалит. Ну все, мне пора бежать.

– Спасибо, – кивнула Тамара Геннадьевна.

Я помахала Роговой рукой, вышла в коридор и сразу наткнулась на Веру.

– Так ты точно приедешь в девять ко мне? – сразу продолжила та прерванную приходом Петровой беседу.

Меня немного удивила настойчивость Филипповой – обычно она не бывает настырной, ей не свойственна роль «штучки-липучки». Сколько раз я говорила Вере: «Извини, сегодня не могу приехать, занята», и она всегда отвечала: «О'кей, перенесем беседу на другой день». А сейчас едет на меня танком.

– Не забудешь? – настаивала Вера.

– Конечно нет, – успокоила я ее. – Как только двинусь в твою сторону, сразу позвоню. Надеюсь, господин Зарецкий меня не задержит.

– Веруня! – закричали из дальнего конца коридора.

Мы обе повернули голову на зов и увидели Настю, личного секретаря Реброва.

– Привет, Вилка, – поздоровалась она. – Вера, где фото?

– Какое? – заморгала Филиппова.

– На доску почета! – отчеканила Настюша.

– Опять забыла, – смутилась пиарщица.

Анастасия уперла руки в боки.

– Значит, так! Или ты завтра вручаешь мне свой снимок, или я велю нашему Диме тебя щелкнуть и не стану слушать твои стоны о том, что издательский фотограф криворукий и косоглазый.

– Ладно, ладно, – забормотала Вера, – завтра фото принесу непременно. Гарик на месте?

– Нет, Елена потащила его на склад, хочет там новых книг для своего дома престарелых набрать, – ответила Настя и убежала.

Я постаралась не рассмеяться. У Гарика есть младшая, нежно им любимая сестра Леночка, врач по образованию и мать Тереза по состоянию души. Пару лет назад она стала заведующей самого обычного муниципального дома престарелых и моментально принялась его ремонтировать и перестраивать. Денег от доброго государства Лена не получила, одинокие больные старики никому не нужны, им со стола дотаций достаются крохи, дом престарелых фактически содержит Гарик. Он богатый человек и ни в чем не может отказать сестре. Думаю, сегодня одними книгами дело не обойдется, они небось приедут к подопечным Елены вместе со стеллажами и картинами для украшения библиотеки.

– Надо бы записать где-то про фото... – пробормотала Вера.

– Доска почета меняет дизайн? – улыбнулась я.

– Нет, – поморщилась Филиппова, – кто-то содрал мой снимок. Давно, еще летом. Настя просила новый из дома принести, а у меня в голове дырка. Декабрь на дворе, скоро Новый год, вот у Анастасии терпение и лопнуло.

– Кто-то украл твое фото? – удивилась я. – Похоже, в «Элефанте» работает тайно влюбленный в тебя мужчина.

– Скорей, завистливая баба, – хмыкнула Вера и посмотрела на часы. – Ой! Тебе пора срочно выезжать на встречу с Иваном Николаевичем!

Из моей груди вырвался тяжелый вздох.

– Уже спешу в паркинг.

* * *

Для беседы со мной Зарецкий выбрал один из самых пафосных и дорогих ресторанов Москвы. То ли банкир посчитал, что меня неприлично звать в скромную «Чаеманию», то ли является завсегдатаем места, где чашечка кофе стоит как золотое кольцо.

Едва войдя в зал, я услышала зычный голос:

– Виола Ленинидовна!

Статный мужчина в дорогом костюме бросился мне навстречу, чуть не сбив с ног официанта.

– Как я рад вас видеть! До последнего не верил, что придете.

– Добрая волшебница никогда не обманывает, – улыбнулась я. – Извините, слегка опоздала: сказочный единорог, на котором я скакала, попал в небольшую пробку.

– Виола Ленинидовна, звезда вашего ранга не опаздывает, а задерживается, – произнес Иван Николаевич. – Антон! И где букет?

– Несу, – откликнулся густой бас.

Я повернула голову на звук и оторопела. По огромному залу плыла клумба из роз. По краям размещались цветы бежево-кремового цвета, а в середине пламенели выложенные из темно-бордовых роз буквы «АВ».

– Нравится? – осведомился Зарецкий.

Вообще-то я не люблю срезанные цветы, грустно видеть, как они умирают в вазах, поэтому, если хотите сделать мне приятное, подарите горшок с геранью. А еще лучше вручите коробку шоколадных конфет – я заслуженный мастер

спорта по их поеданию. Но сейчас я, стараясь улыбаться как можно шире, вежливо ответила:

– Очень.

– Композицию делал лучший флорист Европы, – похвастался банкир, – розы сегодня утром прибыли из Голландии. Разрешите Антону отнести букетик в вашу машину?

– У меня малолитражка, – смутилась я, – боюсь, он в нее не влезет.

Иван Николаевич чуть приподнял бровь.

– Тогда мои ребята доставят композицию вам на дом. О'кей?

Я начала рыться в сумке.

– Не ищите визитку, – остановил меня фанат, – мне известно, где вы живете. Садитесь, пожалуйста. Предпочитаете рыбу, ведь верно? С овощами на пару.

– Съем с удовольствием, – согласилась я, мысленно ругая про себя Филиппову.

Три года назад Вере пришло в голову, что я должна стать пропагандисткой здорового образа жизни.

– Поверь мне, так надо, – сладко журчала пиарщица. – Сегодня наши соотечественники курят, жрут картошку с мясом, чураются спортивных занятий, но я чую носом перемены. Вот увидишь, очень скоро к нам придет мировая мода на правильное питание, фитнес и отказ от сигарет. Ты будешь первой, кто начнет внушать людям, как следует жить. Расскажешь, чем питаешься сама...

– Обожаю бутерброды с докторской колбасой, – испугалась я. – И не хочу от них отказываться! От пирожных, кстати, тоже!

– И не нужно, – хихикнула Вера. – Однако в интервью журналистам отныне будешь говорить, что обожаешь рыбку и овощи на пару, а лучшим отдыхом считаешь пробежку с гантелями по спортзалу. Писатель обязан подавать

хороший пример.

Мне стало смешно.

– А как насчет того, что алкоголизм является профессиональной болезнью большинства литераторов?

Филиппова округлила глаза:

– Ты же не пьешь!

– Верно, – согласилась я. – Но люблю сосиски с жареной картошкой.

Мы поспорили еще немного, и мне, как обычно, пришлось капитулировать. Вера умеет добиваться своего. И вот результат акции Филипповой – где бы ни появилась Арина Виолова, ей сразу говорят: «Знаем, знаем, вы адепт правильного образа жизни!» – и тащат паровую рыбу с брокколи. Боюсь, у меня скоро плавники с жабрами отрастут.

– Лосося и капусту брокколи сейчас приготовят, – пообещал официант, одетый в красный кафтан с золотым шитьем.

– Э, нет! – взвился банкир. – Так нельзя! Любезный, тушка откуда?

– Из Шотландии, – объяснил парень.

Зарецкий побарабанил пальцами по столу.

– Общие сведения. Конкретно, название местности?

– Река Деверон, – не замедлил с ответом молодой человек.

– Рыба дикая или выращенная? – не успокаивался Зарецкий.

– Появилась на свет в естественных условиях, – торжественно объявил служащий ресторана.

Иван Николаевич открыл кошелек, выудил оттуда сто долларов и продолжил:

– Как тебя величать, любезный?

– Сергей, – представился официант.

– Так вот, Сережа, – нежно пробасил мой фанат, – я-то могу слопать любую еду, не особенно искушен в деликатесах, более всего жареную картошечку на постном масле уважаю. А вот дама! Она великая писательница, властительница дум миллионов людей...

Я почувствовала, как мои щеки начинают гореть, а Зарецкий продолжал петь осанну:

– Достоевский и все Толстые рядом с Виолой Ленинидовной просто пшик. Можно ли ей подать лосося, которого выловили в луже у нефтеперерабатывающего завода ловкорукие гастарбайтеры?

– Никак нет, – прошептал Сергей, живо пряча банкноту. – Возьмите лучше чилийский сибас.

– Отлично, – обрадовался Иван. – А брокколи? Она как?

– От всей души не советую, – еле слышно ответил парень. – Закажите рыбу в соли, она без гарнира.

– Дорогая Виола Ленинидовна, – торжественно завел Зарецкий, когда официант испарился, – вы слышали фамилию Кузьмичев?

– Лично с ним не знакома, но знаю, что он берет у «Элефанта» очень много изданий, поскольку является крупнейшим оптовиком не только в России, но и за рубежом, – ответила я. – И давайте обойдемся без отчества, мне будет приятно, если вы станете называть меня просто Виола.

– Спасибо! – обрадовался Иван Николаевич. – Для меня это большая честь! О чем я толковал? Ах да, Кузьмичев. Я сегодня купил его бизнес и теперь сам буду

распространять ваши книги. Уж поверьте, в России не останется уголка, куда бы их не доставили. Виолова будет повсюду: в аэропортах, на вокзалах, в деревенских лавках, учреждениях, больницах, на автозаправках, даже в космосе.

– Может, не надо? – ошарашенно пропищала я.

– Надо! – сверкнул глазами банкир и отныне книготорговец.

– Давайте обсудим ваш праздник, – ловко переключилась я на другую тему. – Хотите, чтобы я написала сценарий?

Зарецкий привстал.

– Никогда не посмею просить вас о подобном! Мне нужен дружеский совет. Несколько поездок совместно со мной в агентство, и все!

– Отлично, – кивнула я, – можем начать прямо завтра.

Собеседник прикрыл глаза ладонью.

– Восхищен. Потрясен. Спасибо. В два часа дня вам не рано? Успеете проснуться?

– Обычно я встаю в шесть, – пробормотала я.

– Понял, – кивнул Зарецкий. – Вы молодец, ведете здоровый образ жизни. С утра фитнес, массаж, потом спа-салон.

На меня напал кашель. Ну не рассказывать же Ивану Николаевичу правду? А правда заключается в том, что в начале седьмого я, выпив три чашки крепкого и до крайности сладкого кофе со сгущенкой, усаживаюсь за рукопись. Вместо спортивных занятий предпочитаю бег по магазинам, а в мою диету включены бутерброды с колбаской, булочки, пирожные...

Иван Николаевич положил на стол черную визитку, щедро украшенную золотыми вензелями.

– Вот адрес. Во сколько прикажете подать лимузин?

– Большое спасибо, – забубнила я, взяв карточку, – я доберусь сама.

Взгляд пробежал по тексту, напечатанному выпуклыми витиеватыми буквами: «“Пентхаус в раю”. Агентство счастливых погребений».

– Это что? – опешила я. – Иван Николаевич, вы перепутали визитки.

– Неужели? – засуетился Зарецкий. – Нет, нет, все правильно. Я провел тщательный маркетинг и выяснил, что «Пентхаус в раю» лучшие на рынке ритуальных услуг.

Я снова закашлялась. На сей раз справилась с кашлем за пару секунд, а вот изумление скрыть не сумела.

– Ваш день рождения будет организовывать гробовщик?

Банкир округлил глаза.

– Именины? Терпеть их не могу! Отвратительный день. Что отмечать? Приближение кончины? Нет, мне нужен совет по организации достойных, красивых, интеллигентных похорон.

Глава 3

Едва покинув ресторан, я позвонила Вере и воскликнула:

– Зарецкий больной на всю голову. Ты знаешь, что он купил бизнес Кузьмичева?

– Да, после твоего отъезда из «Элефанта» эта новость свалилась нам на голову, – ответила Филиппова. – Но, Вилка, это не говорит о помешательстве Ивана Николаевича. Наоборот, свидетельствует о его светлой голове. Псих прорву денег не заработает.

– Зарецкий собирается забросать книгами Арины Виоловой всю поверхность Земли, а потом отправить детективы на Марс, Венеру и далее по списку, – наябедничала я.

– Ну и чем ты недовольна? – хмыкнула пиарщица. – По-моему, надо скакать от радости. Вилочка, откуда столь пессимистический настрой? Ах да, ты скучаешь по Косте, вот и видишь мир в черном свете.

– Банкир притащил в ресторан букет из тысячи роз! – не останавливалась я. – Огромную клумбу!

– Здорово. А мне никогда столько цветов не дарили, – позавидовала Филиппова.

– Знаешь, какой праздник организует Зарецкий? – заорала я, проскакивая перекресток на красный свет. – Угадай с трех раз.

– Он не говорил. Предполагаю, что день рождения?

– Нет! – фыркнула я.

– День, когда впервые купил книгу Виоловой?

– Мимо. Осталась последняя попытка.

– Тогда Новый год. Сейчас декабрь, до прихода Деда Мороза всего ничего осталось.

– Проиграла, – объявила я. – Похороны!

В трубке повисла тишина. Потом Вера осторожно спросила:

– В смысле?

– Похороны, – повторила я, – вот и весь смысл.

– Ага, – пробормотала пиарщица, – забавно.

– Обхохотаться можно, – процедила я. И процитировала любимое выражение подростков, сидящих в Интернете: – Ржунимагу!

– А кто у него умер? – полюбопытствовала Филиппова.

– Он сам, – отчеканила я.

– В смысле? – вновь задала тот же вопрос Вера.

– Экая ты непонятливая, – укорила я ее. – Иван Николаевич желает подготовить свое погребение.

– Э... ну... да... – забормотала Вера. – Извини, можно я перезвоню через пять минут? Мыло по мордочке течет, решила душ принять...

– Куда прешь, мартышка за рулем? – заорал кто-то из телефона прямо мне в ухо. – Накупают прав!

– Когда твоя ванна перестроится в нужный ряд, звякни, – ехидно сказала я и отсоединилась.

Прекрасно знаю, что сейчас Вера принялась спешно набирать номер владельца «Элефанта», моего друга Гарика Реброва. Я нажала на экран телефона... Точно, у него занято.

Вера позвонила, когда я притормозила возле супермаркета.

– Вилочка! Учитывая некоторые обстоятельства...

– А именно покупку Зарецким бизнеса Кузьмичева... – перебила я. – Давай говорить откровенно.

– Мы с Гариком очень просим тебя не отказывать Ивану, – заныла Вера. – Очень!

– Когда твоя ванна приедет домой? – осведомилась я.

– Минут через двадцать. Ну не сердись! Я растерялась, услышав про похороны, не знала, как реагировать.

– Приеду через полчаса, – пообещала я. – Купить пиццу?

– Здорово! – обрадовалась Вера. – Жду. Готова посыпать голову пеплом из камина.

– Не стоит, – усмехнулась я. – Лучше просто разожги в нем огонь – на улице сыкотно и промозгло.

Едва я вошла в супермаркет, трубка снова зазвенела – теперь меня вызывал Ребров. Слушая, как он нахваливает Зарецкого, именуя Ивана Николаевича гениальным стратегом, великим бизнесменом и другом «Элефанта», я бродила между холодильниками, выискивая любимую пиццу Веры – с салями, красными перчиками и оливками.

– У каждого человека свои тараканы, – гудел Гарик, – и у Ивана они не самые жирные.

– Угу, – пробормотала я.

– Ну, хочет человек отрепетировать свой уход на тот свет. И что?

– Ничего, – согласилась я, – так все поступают.

– Зарецкий педантичный человек, он боится, что скорбная процедура пройдет не на должном уровне, – пел Ребров. – Знаешь, сколько он стоит?

– Ты сейчас о цене гроба ведешь речь? – уточнила я.

– Нет, про живого Ивана. У мужика состояние почти в миллиард. Зачем нам с Ваней ссориться? Тебе удивительно повезло, о таком фанате мечтают все писатели.

– Вот она! – воскликнула я, хватая коробку. – Надо же, последняя... Ура! Успела! Обошла на повороте двух подростков и сцапала.

– Эй, ты в порядке? – спросил Гарик.

– Пиццу нашла, – поделилась я с приятелем радостью.

– Офигеть! – возмутился Ребров. – Я говорю про огромные деньги, а ты пляшешь от радости, найдя грошовую лепешку с сыром.

– Да успокойся, я не собираюсь обижать твоего Зарецкого, – сказала я, спеша к кассам. – Готова его сто раз похоронить, нет проблем. Но ты уверен, что он не сумасшедший? Вдруг кинется на меня с ножом, если я выскажу свое мнение о выбранной им домовине?

– Иван стопроцентно нормальный! – заверил Ребров.

– Таких людей на свете нет, – хихикнула я. – Вспомни владельцев похоронного бюро. Надо же им было так назвать ритуальную контору – «Пентхаус в раю»...

Гарик издал протяжный стон.

Я правильно истолковала услышанный звук.

– Я пообещала, что похороны Зарецкого пройдут на ура, не волнуйся.

– Вилка, ты ангел, посланный издательству «Элефант», обожаю тебя, – быстро произнес Ребров.

На этой высокой ноте мы с ним и распрощались.

Ворота на участок Веры, как всегда, стояли открытыми. Я припарковалась у забора, поднялась по ступенькам, толкнула парадную дверь и закричала:

– Доставка пиццы!

Филиппова не ответила. А я не удивилась. Коттедж у Веры не слишком большой, его площадь отнюдь не в квадратных километрах исчисляется, но поскольку Вера перестраивала дом бабушки, расширяла его, приделывала к нему террасу, пару комнат, чулан, бойлерную, два санузла, то коттедж имеет странный вид, а коридоры в нем причудливо изгибаются и гасят звук.

Я двинулась в сторону кухни-столовой, говоря на ходу:

– Опять все люстры горят, ворота настежь, дверь не заперта... Ау! Ты где?

Около плиты хозяйки не оказалось. Я огляделась. Холодильник раскрыт, на полу валяются два красных болгарских перца и стебель лука-порея. На плите бурно кипят в кастрюльке сосиски, на столе чашка с недопитым чаем, от нее еще исходит пар. Все понятно. Веруся решила глотнуть горячего. А еще в ожидании меня с пиццей сильно проголодалась, захотела перекусить сосисками, поискала в холодильнике кетчуп или горчицу, не нашла и побежала в кладовку, где держит кое-какие припасы вкупе с прочими хозяйственными мелочами. Почему она не захлопнула холодильник? Прекрасный вопрос. И на него есть не менее замечательный ответ: а почему Вера не закрывает двери вообще?

Я подошла к окну. В декабре темнеет рано, но Филиппова понатыкала по всему участку фонари, снабдила их мощными лампами. Ох, подозреваю, ежемесячные счета за электричество не радуют владелицу дома... Уже хотела отойти от окна – и вдруг увидела темную фигуру. Некто огромный направлялся к изгороди, неся на руках... Веру, которая, похоже, была без сознания: ее голова свисала вниз и моталась из стороны в сторону.

И тут, вместо того чтобы кинуться во двор (незнакомец явно двигался от черного, а не от парадного хода), я замерла. А похититель пересек дорожку и на секунду остановился, обернулся, ему на лицо упал яркий свет одного из уличных светильников. Я чуть не лишилась чувств! Потому что увидела не гладкое лицо, а морду, покрытую густой шерстью, на которой горели злобой круглые глаза и торчали клыки, вымазанные чем-то красным. Веру уносил оборотень!

Оцепенение прошло лишь после того, как человековолк скрылся во мраке. Я схватила со стола полуторалитровую бутылку минералки и с воплем: «Стой! Иначе хуже будет!» бросилась к черному ходу.

Но когда я выскочила наружу, ни монстра, ни Веры в обозримом пространстве не обнаружилось.

Я побегала минут пять вокруг здания, вернулась в коттедж, живо заперла все двери, опустила шторы, затряслась в ознобе и позвонила своему приятелю Андрею Костомарову[1 - О том, как Вилка познакомилась с Андреем, рассказывается в книге Дарьи Донцовой «Кнопка управления мужем», издательство «Эксмо».]

Глава 4

– Пластиковая бутылка с водой не лучшее оружие против зверя, – заметил Андрей, выслушав мое сбивчивое повествование.

– Ничего более подходящего под руку не попалось, – вздохнула я. – Спасибо, что сразу приехал.

– Давай разберемся спокойно, – предложил Костомаров. – С чего ты решила, что Веру унесли против ее воли?

– Роскошный вопрос, – разозлилась я. – Чудовище тащило Филиппову на руках, и голова у нее болталась. Холодильник не закрыт. На полу овощи. На плите в кипящей воде сосиски.

– Может, это ее любовник и у них такие игры? – пожал плечами Костомаров. – Некоторым нравится.

– Это оборотень, – закричала я. – Жуткий, весь покрытый волосами!

– Голый? – уточнил Андрюша.

– Почему? – удивилась я. – На улице холодно, декабрь, Новый год не за горами.

– Ты сказала: «Весь покрыт волосами». А волки не носят одежду, – серьезно заметил Костомаров.

– Оборотни – люди, – уперлась я, – они только временно оволчиваются.

– Ладно, – согласился Андрей. – Однако какое красивое слово – «оволчиваются»! Опиши прикид зверушки.

Я напрягла память.

– Куртка... нет, короткое пальто.

– Цвет? – задал следующий вопрос приятель.

– Серый... черный... темно-синий, – засомневалась я. – И брюки. Плюс ботинки.

– Обувь разглядела?

– Нет, – честно ответила я. – Но по логике ему следовало быть в ботинках: на дворе зима, босиком некомфортно.

Андрей погладил меня по плечу.

– Расслабься. А что было на Вере?

– Свитер... нет, блузка... или пуловер... – ощущая себя идиоткой, пробормотала я. – Понимаю, о чем ты думаешь! Мол, Виола в темноте не могла рассмотреть детали и придумала чудище. Но я распрекрасно видела лицо, то есть морду. На ней топорщилась шерсть, глаза налились кровью...

– Прости, Вилка, но чудные очи оборотня ты никак не могла увидеть, – мягко возразил Андрей.

– Зубы разглядела, – не утихала я. – С них кровь лилась!

– Струей? – уточнил Костомаров.

Я вскочила.

– Зря ты так реагируешь! Вера в опасности! Нужно ее искать! Чудо, что я увидела похищение и можно сразу действовать.

Но Костомаров не проявил беспокойства.

– Вилка, Филиппова явно уехала куда-то с любовником.

Я затопала ногами:

– Она не могла!

– Да почему? – удивился Андрей.

– У Филипповой нет мужчины, она живет одна, – отрезала я.

– Вы близко дружите? – удивился Костомаров. – Я приходил на твой и Костин дни рождения, народу было немного, перезнакомился со всеми, но совершенно не помню Веру.

– Мы поддерживаем прекрасные рабочие отношения, но подругами нас назвать нельзя, – объяснила я. – Филиппова не бывает у меня дома, а вот я к ней приезжаю. В издательстве трудно детально обсуждать рекламную кампанию или сложную пиар-акцию, Веру постоянно отвлекают.

– Следовательно, разговоров по душам не ведете, – подытожил приятель, – своих мужиков не обсуждаете.

– Ну почему сильный пол считает, что женщины, оставшись наедине, треплются исключительно о парнях? – хмыкнула я. – Есть огромное количество более привлекательных тем. Нет, мы с Верой общаемся только по рабочим вопросам, но испытываем симпатию друг к другу.

– Тогда отчего ты так уверена, что у нее нет креативного любовника, готового унести свою бабу на руках? – улыбнулся Андрей.

На секунду я растерялась. Потом начала приводить аргументы в пользу своей версии:

– Сколько раз я ни приезжала к Филипповой, никогда не встречала в доме посторонних, она всегда была одна. В ванной комнате отсутствуют принадлежности для бритья, круг на унитаза опущен.

– Последний довод наиболее убедителен, – обрадовался Андрей. – А теперь давай всерьез. Далеко не каждая дама станет выставлять своего кавалера всем на обозрение. Вдруг он женат? Или работает с ней в «Элефанте», а то и служит в конкурирующем издательстве? Как его тогда познакомить с тобой? И сомневаюсь, что ты посещала ванную Веры, небось моешь руки в санузле для гостей. Сожитель Филипповой не станет принимать там душ и раскладывать свои мелочи.

– Она сегодня очень активно меня зазывала, – сопротивлялась я. – Просила купить пиццу и никак не могла покинуть дом...

– Любовник появился внезапно, и Вера обо всем забыла, – перебил Андрей.

– Невозможно! – закричала я. – Хватит каркать дятлом: любовник, любовник, любовник... Веруню унес оборотень!

– Дятлы не каркают, – включил зануду Костомаров, – они стучат клювом по дереву. Обратней не существует, человековолки – герои сказок и легенд. Вероятно, мужчина носит бороду, усы, на лоб падает челка, а ты издали как следует не разглядела его лицо.

– Волосы у монстра были не похожи на человеческие. У меня прекрасное зрение, просто не хватает слов, чтобы описать их, странная такая растительность. Клянусь, это оборотень. На его зубах была кровь, – безнадежно повторила я.

– Ага, а на макушке рога, за спиной хвост, – добавил, рассердившись, Андрей. – Неужели ты не знаешь о прикольных масках? Ими прикрывают не только лицо, но и всю голову. Можно изображать из себя зомби, президентов, голливудских звезд, зверей. Небось и оборотень есть в ассортименте. Пик продаж таких масок приходится на Хеллоуин и Новый год, но и в обычные дни приобрести их тоже

легко. Подобными штуками любят пользоваться грабители. Поняла теперь, откуда появилась эта жуть? Если пожелаешь, сама легко станешь хоть козлом, хоть тигром.

– Маска? – пробормотала я. – Не подумала о таком варианте.

– Вилка, тебе лучше поехать домой, – посоветовал Костомаров.

– Сначала осмотрю тут все как следует, – возразила я.

– Не думаю, что это понравится хозяйке, – вздохнул приятель. – На мой взгляд, неприлично рыться в чужих вещах.

Я встала, с ехидцей заметив:

– И это говорит человек, который регулярно наведывается в чужие дома с тотальным обыском и перевертывает все вверх дном?

– У меня всегда есть ордер, – начал оправдываться Андрей, – я действую исключительно в интересах дела. А тебе советую уехать. Вера вернется, поймет, что ты шарила в ее доме, и обидится. Напиши ей записку, оставь все как есть и уходи, ничего не трогая. Вон, на стене блокнот висит с ручкой.

– Между прочим, я закрыла холодильник. Его снова открыть? – спросила я, царапая на бумаге несколько строк. – А перцы опять по полу разбросать?

– Зачем? – не понял Костомаров.

– Говорю же, я захлопнула дверцу холодильника и собрала раскиданные овощи, – пояснила я, – а ты велишь оставить все как было.

Костомаров встал.

– Не злись. Завтра часиков этак в двенадцать дня Вера звякнет тебе и извинится. Знаешь, почему в полиции никогда сразу не берут у людей заявление о пропаже родственников?

– Конечно, знаю! – воскликнула я, направляясь в прихожую. – Кое-кому элементарно лень шевелиться.

– В час ночи перепуганная тетка звонит дежурному и голосит: «Сын пропал, ушел в институт и не вернулся! Хороший мальчик, не пьет, не курит, наркотиками не балуется, с плохими компаниями не водится!» А на следующий день выясняется: набухалось ее сокровище с однокурсниками, от похмелья стонет. Вилка, очнись! В доме нет следов борьбы, полный порядок, ничего не сломано, не разбито...

– А холодильник распахнут, в кастрюльке сосиски кипят, овощи на полу, – упрямо перечислила я.

– Мы ходим по кругу, – поморщился Андрей. – Ты просто не видела помещения, из которых людей утаскивали силой. Точно говорю, у тебя разыгралось богатое писательское воображение.

– Шансы у похищенного человека уменьшаются с каждым часом, – тихо сказала я. – На вторые сутки из ста украденных в живых остается десять.

– А из сотни заявлений, поданных в полицию, девяносто девять отзывается, потому что якобы исчезнувшие родственники притопывают домой, – разозлился Андрюша. – Хватит! Оборотней не существует. Вера сейчас в койке с мужиком, а мы тут фигней занимаемся. Записку оставила? Уходим.

Я молча последовала за Костомаровым.

– Где она держит ключи? – поинтересовался Андрей в прихожей.

– Понятия не имею, – пожала я плечами, – дверь у Веры всегда нараспашку. Да вон связка лежит на столике. Кстати, посмотри сюда...

Я показала на вешалку.

– Ее пальто и сапоги остались на месте, а на улице, между прочим, декабрь.

– Она же не у метро овощами на холоде торгует, – ухмыльнулся Андрюша. – Сама говорила: когда «оборотень» нес Веру, на ней был свитер.

– Вроде так, – согласилась я.

– В нем она в машине не замерзнет, – продолжал Костомаров. – Все, побежали!

По дороге домой я набрала телефон своей знакомой Марты Ободзинской и сразу, забыв поздороваться, выпалила:

– Мне нужна твоя консультация как профессионального психолога, занимающегося проблемами семьи и брака.

– Начинай, – приказала Марта.

– Может ли женщине понравиться, если любовник ворвется в ее дом, одетый оборотнем, и утащит ее с собой? Учти, она ждет другого человека, с которым предстоит обсудить важные рабочие дела, тот уже в пути, купил пиццу, торопится. Лично мне подобное поведение кажется, мягко говоря, странным. И поражает маска человека-волка. Зачем ухажеру ее напяливать?

Марта расхохоталась:

– Дорогая, похоже, в твоей интимной жизни не хватает перца. Миллионы людей занимаются сексом в темноте, в одной-единственной известной им позе и счастливы. Но встречаются и другие. Одну мою пациентку, балерину, ее парень утащил в темный уголок, когда оркестр уже играл вступление к партии. Понимаешь масштаб скандала, который вспыхнул из-за того, что ему захотелось белого лебедя? Но последствия их не испугали! Знаю бизнесмена, который, всякий раз одевшись в лохмотья и отпустив охрану-шофера, рулит не на своем «Бентли», а на ржавых «Жигулях» в неблагополучный район Москвы, где его ждет законная жена, изображающая проститутку. Потом они идут в грязную гостиницу и снимают номер на пару часов... Тем, кто любит резвиться в своей спальне, не понять тех, кто лезет на крышу небоскреба и шалит там на самом краю. Беда, когда мужчина из первой категории берет в жены представительницу второй. Счастья в браке им не видать, или они заведут связь на стороне. А вот если супруги или партнеры совпадают в своем безумии, тогда их не остановит человек, который едет к одному из них на деловую встречу, они

нацепят маски обратной, влезут в лягушачью шкуру, пробегут голыми по Тверской. Им плевать на всех, для них важны лишь собственные эмоции и ощущения. Мне продолжить?

– Нет, спасибо, – повеселела я. – Понимаешь, я видела недавно, как одну знакомую унес оборотень. Сначала, конечно, я обомлела, потом, слегка успокоившись, подумала: человек-волк – выдумка сказочников, мужчина нацепил маску. Видела такие жуткие головы в виде Дракулы, пещерного человека, зомби? Вероятно, это любовная игра: похищение. Я готова поверить, что парочка так развлекается. Но меня смущала назначенная встреча. Разве можно уехать с любовником и забыть о деле, о том, что к тебе спешит для важной беседы писательница, которая ради этого пожертвовала своим временем?

– Легко, Тараканова, – заверила Марта. – Ты принадлежишь к многомиллионной категории людей, предпочитающих секс без экстрима, поэтому не представляешь, что может натворить любительница приключений. Но осторожно, дорогая. Иногда совершенно случайная встреча может тебя перепахать, забудешь про интим впотьмашках и запрыгнешь в воздушный шар, чтобы там...

– Спасибо, Марта, – быстро поблагодарила я, – вот теперь я успокоилась окончательно.

– Всегда к твоим услугам, звони, если понадобится, – скороговоркой произнесла Ободзинская и отсоединилась.

Я приехала домой, выбросила размякшую пиццу в мусорный контейнер во дворе, поднялась в квартиру, заварила чай, соорудила пару бутербродов – ржаной хлеб с салями, солеными огурчиками и зеленью, притащила все это, прихватив коробку конфет, в спальню, завернулась в одеяло, включила DVD и стала наслаждаться романтической комедией вкупе с поздним ужином, не имеющим ничего общего со здоровым питанием.

* * *

На следующий день без пятнадцати два я подъехала к огромной двухстворчатой двери, покосилась на прикрепленную к ней латунную табличку с надписью «Пентхаус в раю», вышла из машины, сделала шаг по направлению к крыльцу из бело-розового мрамора и услышала знакомый голос:

– Я потрясен! Вы приехали раньше!

Обернувшись, я увидела Ивана Николаевича, который шел в мою сторону. На небольшом расстоянии от хозяина топал охранник Антон с огромной коробкой в руках.

– Не опоздали! – восхищался Зарецкий. – Невероятно. Виола, вам положено задерживаться.

– Непременно это учту, – улыбнулась я.

– Антон... – окликнул олигарх.

Парень вытянулся:

– Я!

Иван Николаевич прижал одну руку к сердцу, другую вытянул вперед и продолжил, обращаясь ко мне:

– Вы категорически не едите ничего с сахаром? Или все-таки любите сладкое?

– Не могу отказаться от десертов, – честно ответила я.

– Я пытался догадаться, с какой начинкой вы предпочитаете бисквит, – загудел Зарецкий. – В книгах про Свету Колпакову главная героиня ест корзиночки со взбитыми сливками. А в романах о Елене Галкиной героиня предпочитает заварной крем.

– А Ольга Самойлова в детективе «Правда с три короба» постоянно жует «картошку», – подсказал Антон.

– Мой шофер тоже ваш фанат, – пояснил банкир. – Так где правда? Что больше по вкусу самой писательнице?

– Нехорошо признаваться в обжорстве, – засмеялась я, – но я обожаю все, вами перечисленное.

– А шоколад? – забеспокоился Зарецкий. – Горький, восемьдесят процентов какао?

– Замечательно, – кивнула я, не понимая, почему он завел странную беседу.

– Угадал! – выдохнул Иван Николаевич. – Антон...

Охранник откашлялся.

– Господин Зарецкий для вас по собственному эскизу лучшему кондитеру России Александру Михееву тортик заказал. Восемь слоев, каждый с разной начинкой, сверху шоколадная фигурка. Приятного вам аппетита!

Я попятилась.

– Большое спасибо. Очень приятно. Но коробка, которую вы держите, огромная, боюсь, она не влезет в моего «жучка». И после обсуждения... э... ритуальной церемонии я собиралась заехать в издательство. Вдруг торт испортится?

– Это не та упаковочка, – возразил Антон, – в вашей пятнадцать кило веса.

Я застыла на месте.

– Как букет? – неожиданно вспомнил Иван Николаевич. – Доставлен в целости?

– Да, да, спасибо, – кивнула я, решив не рассказывать, что теперь все подоконники на лестнице нашей многоэтажной башни украшены роскошными цветами. Консьержка баба Катя по моей просьбе, подкрепленной симпатичной купюрой, полночи расставляла «икебану» в банки с водой.

– Антон! Вели доставить торт на квартиру Виолы, – скомандовал хозяин.

Я сообразила, что почти столетняя баба Катя не сможет быстро обойти всех жильцов, чтобы раздать им бисквит до того, как он испортится, и попросила:

– Если можно, привезите его в «Элефант».

– Нет проблем. Назовите время, – отозвался Зарецкий.

– В районе пяти удобно? – поинтересовалась я.

Иван Николаевич щелкнул языком.

– Виола! Вы должны сказать: доставь ровно в семнадцать, а если опоздаешь, господин Зарецкий тебя накажет.

Глава 5

В холле похоронной конторы пахло цветами и звучала тихая музыка. Не успела наша дружная компания ступить на небесно-голубой ковер с рисунком в виде белых облаков, как по ступеням широкой лестницы сбежал стройный мужчина в дорогом черном костюме и белоснежной рубашке. На левом лацкане пиджака у него сверкал большой золотой крест.

– Здравствуйте, – хорошо поставленным голосом произнес служащий. – «Пентхаус в раю» возьмет на себя все хлопоты, вас не коснутся никакие проблемы, связанные с проведением траурной церемонии. Единственное, что требуется, это сообщить нам о своих желаниях. Остальное – забота наших сотрудников. Добро пожаловать в место, где вас любят и хотят вам помочь. Я ваш персональный менеджер Леонид. С кем имею честь общаться?

– Думаю, не надо представлять даму, – гордо произнес Зарецкий. – Полагаю, вы сразу узнали ее, она звезда.

– Ну конечно! – зачастил Леонид. – Какая честь для нас приветствовать селебретис! То есть я хотел сказать, для нас честь помочь госпоже. Но как мне следует ее величать?

– Так, как ее все зовут, – пожал плечами олигарх. – Именем, под которым она известна миллионам.

Леонид моргнул, и я решила выручить парня:

– Арина Виолова мой творческий псевдоним. Лучше обращаться ко мне просто Виола.

– Огромное, низжайшее спасибо, – на сей раз, похоже, искренне прокурлыкал менеджер, забыв уточнить имя моего спутника. – Пройдемте в зал номер один, там в уютной обстановке, за чашечкой лучшего кофе обсудим насущные проблемы. Не желаете пообедать? Угощение за счет агентства.

– Спасибо, – хором ответили мы с Иваном, – еды не надо.

– Рюмочку коньяка? Коктейль? – не останавливался Леонид. – Чай, кофе, пирожные?

– Воды, пожалуйста, без газа, – попросила я.

Леонид склонил голову к лацкану пиджака, украшенному крестом.

– Алло! Нам напитки в зал обсуждения церемонии.

– Понял, – ответило украшение.

Наша компания плавно переместилась в квадратное помещение с черными креслами, журнальным столом и темно-бордовым ковром.

– Могу я узнать, кто усоп? – деловито осведомился Леонид. – Возраст, пол?

Иван Николаевич хрустнул пальцами.

– Трудно ответить точно на все вопросы. Это я. Зарецкий. Мужчина. А вот насчет прожитых лет информация пока отсутствует. Никто не знает, сколько ему судьба отмерила. Сегодня утром ты жив, а вечером на кладбище несут.

Менеджер ловким движением снял с лацкана огромный крест, вытащил из кармана золотой полумесяц такого же размера и прикрепил его на освободившееся место.

– Да, да, я понял вас, господин Зарецкий. Погребение по религиозным обрядам наш конек. Вы совершенно правы, Коран велит упокоить дорогого человека до захода солнца. Утром жив, вечером на кладбище, как правильно вы заметили. Не беспокойтесь, времени нам хватит. Так кто усоп? Мужчина или женщина?

– Уже пояснил. Это я, – повторил Зарецкий. – Никакой спешки. Пока я еще жив.

Леонид моргнул, но, похоже, служба в ритуальной конторе приучила его к разным нестандартным ситуациям. Чтобы прийти в себя, ему понадобились доли секунды.

– Прошу простить, но хочу уточнить. Усопленного пока не имеем?

– Нет, – ответил Иван Николаевич.

– Господин Зарецкий решил заранее сам организовать свои похороны, – пояснила я.

– Золотые слова, – не упустил возможности похвалить меня бизнесмен. – Впрочем, как все, что исходит из ваших уст и из-под вашего пера. Маленькая деталь: надо не только распланировать, но и тщательно проверить расходы.

Леонид в мгновение ока снял полумесяц, водрузил вместо него звезду Давида и закатил глаза.

– Господин Зарецкий совершенно прав. Все лучше делать самому.

– Иван Николаевич человек предусмотрительный, – выделив голосом имя-отчество своего спутника, добавила я.

Менеджер искоса глянул на меня и быстро совершил очередную рокировку брошек – на лацкане вновь засверкал крест.

– Счастливи приветствовать будущего дорогого усопленного в стенах лучшего агентства ритуальных услуг. Мы, пентхаусцы, сумеем доставить вам ни с чем не сравнимое удовольствие, отправив в путешествие на тот свет по высшему разряду. Безмерно рад сообщить вам, что на предварительные услуги существуют солидные скидки.

– Пустячок, а приятно, – крикнул Зарецкий.

– Иван Николаевич не первый, кто решил организовать свои похороны при жизни? – поразила я.

Лицо Леонида озарила лучезарнейшая улыбка.

– В нашей практике это пока единственный случай, но преискуронт разработан. Если вы надумали приготолвиться за год до усопления, то три процента долой. За пять лет – цена уменьшается на десять процентов.

– А какова самая крупная скидка? – деловито осведомился Зарецкий.

– Девяносто процентов, – без запинки ответил служащий. – Но ее получают в случае столетней ожидаемости.

Я постаралась не расхохотаться. А вот банкир не усмотрел в словах собеседника ничего комичного, даже слово «усопение» его не позабавило.

– Значит, чтобы оплатить одну десятую от стоимости похорон, мне надо протянуть целое столетие?

– Именно так, – подтвердил Леонид, – весьма выгодные условия.

– Жаль, что воспользоваться ими никто не сможет, – не утерпела я.

– Эх, плохо вы моего босса знаете, – подал голос Антон. – Он, ежели захочет, до исчезновения солнца проживет.

– Извините, что спорю, но, госпожа Виола, вы не правы, – прожурчал менеджер. – Дети, рожденные в нынешнем году, имеют все шансы переместиться в рай в возрасте библейских старцев. Знаете, как трудно подобрать достойный подарок на крестины? Мы предлагаем прекрасную вещь: сертификат на элитное погребение. Человек растет, мужает, стареет и не беспокоится, знает, что его после усопения проводят с почестями.

Чудесные слова «усоп», «усопение» и «усопенный» заставляли меня вздрагивать, а Иван Николаевич продолжил допрос:

– Как вы узнаете, когда я умру? Каким образом рассчитаете размер скидки?

Леонид воздел руки к потолку.

– На все воля божья. Оставьте предоплату пятьдесят процентов. Когда родственники принесут нам весть о вашем мирном, счастливом усопении, мы сделаем перерасчет, и, скорее всего, близким не придется ничего доплачивать, или мы вернем им часть залога.

– Меня это устраивает, – согласился олигарх. – Ну, с чего начнем?

– Полагаю, с выработки концепции, – оживился менеджер. – А вот и напитки. Прошу вас, вода, свежесжатый сок, кофе, чай. Элен, обслужите наших дорогих клиентов.

Девушка в черном шелковом платье с золотой брошкой в виде креста на большом воротнике быстро справилась с задачей и удалилась.

– Итак, – потер руки Леонид. – Что желаете? Исторические похороны?

– Это как? – не поняла я.

Служащий фирмы закатил глаза.

– Поверьте, это великолепно. Допустим, погребение в стиле Цезаря. Гости одеты как древние римляне, путешественника везут на колеснице десять белоснежных коней, хор поет стихи Гомера, сам поэт сидит у могилы и читает строфы из «Одиссеи». На концертной площадке актер, загримированный под дорогого упокоившегося и наряженный в такой же, как у него, костюм, разыгрывает сценки из «Двенадцати подвигов Геракла». Очень красиво, оптимистично. Как правило, присутствующие рыдают от восторга. Банкет обслуживают рабы. Еда, правда, обычная, не древняя.

– М-м-м, – протянул Иван.

– Сюжетов тьма, можем выбрать любой, – пообещал Леонид. – Если пожелаете видеть в роли себя любимого актера, никаких проблем, достанем кого душа пожелает. Недавно привозили из Голливуда лауреата премии «Оскар». Прошу простить, фамилию назвать я не имею права, пентхаусцы свято хранят тайны, рот у всех на замке. Когда усопляется известный человек, то на церемонию, куда приглашены достойные люди, всегда пытается проникнуть разномастный сброд – фанаты, журналисты. Но у нас с этим строго. Ни одна крыса не просочится мимо охраны без приглашения, не волнуйтесь. Если только вы сами не захотите увидеть у своего пентхауса воронье с камерами и баб с бумажными цветочками.

Я покосилась на Ивана Николаевича. Интересно, он понимает Леонида? Лично мне не ясно, при чем тут пентхаус и какого путешественника повезут на колеснице десять белоснежных лошадей.

– Исторические похороны – это первый вариант, – вещал далее менеджер. – Второй – художественные. Выбираете кинокартину, и мы ее играем. Месяц назад один очень достойный человек заказал для своего Барсика стихотворение «Кошкин дом». Господи, как красиво получилось! Даже я, повидавший миллион роскошных отлетов, прослезился. Кот лежал на розовой подушке, у пентхауса пели наряженные котятами хористы, актеры замечательно играли. Барсик, вернее, тот, кто его исполнял, был удивительно хорош, благороден. А потом, когда пентхаус очутился на аэродроме, все начали бросать в лифт сухой корм, заиграла бессмертная музыка Бетховена...

Леонид всхлипнул, достал из кармана черный носовой платок, окаймленный красной ленточкой, и приложил его к глазам.

– До сих пор плачу, когда вспоминаю.

Я решила, что у меня начался бред. Бросать в лифт сухой корм? И зачем везти трупик кошки на аэродром? Хотя, может, Барсика отправляли в другой город...

– Вы хороните и животных? – спросил Иван.

– Почему нет? Разве они не люди? – выдохнул менеджер. – Еще можем предложить...

– Не надо! – остановил гробовщика Зарецкий. – У меня много любимых литературных произведений, я выберу фрагмент из них.

Леонид подергал носом.

– Гениально!

Мне стало некомфортно. Неужели Зарецкий решил использовать какой-то детектив Арины Виоловой? Однако... Я не в восторге от такой идеи.

– Следующее, что предстоит выбрать, это ваш пентхаус, – заявил Леонид.

– Гроб! – наконец-то сообразила я.

– Пентхаус, – поправил менеджер. – Они у нас разные, на любой вкус, цвет, кошелек. Если предлагаемый ассортимент вас не устроит, мы пригласим художника, он сделает эскиз с учетом ваших предпочтений. Никакого ограничения полета фантазии. Все, что пожелаете. В марте усоп страстный любитель скачек, мы изготовили для него пентхаус в виде коня, серого в яблоках.

Леонид опять выудил платок.

– До сих пор плачу, когда вспоминаю, как опускали пентхаус в склеп. Постелили рисовую солому, которую специально из Японии выписали, положили на крышку стек от Эрмес. Потом звучал Вагнер. Я прослезился. Невероятная красота! Наслаждение наблюдать! Вы хотите посмотреть на образцы?

Иван Николаевич повернулся ко мне, я откашлялась.

– Можно.

Леонид вскочил.

– К моему глубочайшему сожалению, вам придется ощутить некоторое неудобство – надо встать, дабы переместиться в демонстрационный зал. Понимаю, сколько неприятностей доставляю вам, но, увы и ах, размер помещения, где мы сейчас находимся, не позволяет представить наши роскошные пентхаусы в полной мере.

– Не волнуйтесь, – остановил его банкир, – я еще не умер, могу передвигаться. Виола, вы как?

– Нормально, – заверила я, – пойдемте.

Глава 6

Второй зал показался мне огромным. Кресла в нем стояли полукругом, а в центре я увидела устройство с резиновой лентой, как две капли воды похожее на те, что установлены в аэропортах в зале выдачи багажа пассажирам.

Усадив нас поудобнее, Леонид сказал своему лацкану:

– Пентхаусы для господ. Пожалуйста, сайз сингл.

– Нет, – остановил менеджера Иван, – гроб-недомерок мне не нужен, показывайте сразу большие размеры. Терпеть не могу локтями о стены задевать, хочу лежать просторно.

– Все наши пентхаусы имеют ширину два метра двадцать, – соловьем запел Леонид. – Сингл-модель называется так потому, что там матрас на одного человека. Или вам хочется дабл? Планируете усопнуть вдвоем? Есть трипл,

когда жильцов трое. Но, как я уже говорил, ограничений нет. В январе отправляли в рай рок-певца. Он пожелал разделить пентхаус с пятью своими самыми любимыми женами. Пентхаусцы блестяще справились с задачей – мы соорудили двухэтажные апартаменты.

– Вы убили его жен? – подпрыгнула я. – Если не ошибаюсь, так прежде поступали в некоторых малоразвитых странах: несчастную супругу хоронили вместе со скончавшимся мужем.

Леонид закатил глаза.

– Боже! Конечно нет! Мы изготовили восковые копии дам. Кстати, одна из вдов упала в обморок, когда увидела себя, так похоже вышло.

Менеджер вытащил платок.

– Господи! Когда над райским местом, где устанавливали пентхаус, зазвучало «Аве Мария» в обработке усопленного, все присутствующие забили в барабаны, а я зарыдал. Так было торжественно, величественно, прекрасно! Ну, смотрим синглы или даблы?

Иван Николаевич взглянул на меня.

– Сингл, – быстро произнесла я и поежилась.

Надеюсь, олигарх не собирается улечься рядом с ростовой фигурой Арины Виоловой!

Леонид нажал на кнопку в подлокотнике своего кресла, лента тихо зашуршала, из-за темно-бордовой занавески выехало доселе мною невиданное сооружение. Больше всего оно походило на двуспальную кровать с огромной откинутой крышкой.

– Модель универсальная, – объявил Леонид, – отделяется по вашему вкусу. Например, цвет. Вот, посмотрите варианты.

Парень подал Зарецкому раскладку вроде той, что демонстрируют покупателям продавцы красок.

– Черный цвет – мрачно, – забормотал Иван, – коричневый пошло, темно-синий не люблю, красный вульгарно.

– Сейчас в моде комбинации цветов, – подсказал Леонид. – Например, низ желтый, верх синий. Очень красиво.

– Так, так... – протянул Зарецкий. – Виола, насколько помню, вы любите голубой и розовый цвета.

– Они мне к лицу, – подтвердила я. – Но для гроба... простите, для пентхауса не подойдут.

– Почему? – возразил менеджер. – Чем ярче, тем лучше. И очень оригинально смотрится аэрография.

Я уставилась на гробовщика.

– Вы имеете в виду картинку? Как на автомобилях?

Леонид закивал.

– Да, да, вы правильно меня поняли. Изобразим что угодно. Недавно провожали пожилую даму, весьма обеспеченную и предусмотрительную. Она оставила для нас подробную инструкцию. В частности, дорогая усопшая пожелала, чтобы боковую сторону пентхауса украшало изображение ее зятя. Мы сделали роскошный портрет! Так торжественно!

Леонид вытащил платок, помял его в руке, сунул на место, добыл из второго кармана другой и приложил к глазам.

– Когда заиграла музыка Вивальди, я разрыдался. Представляете, как теща обожала зятя, если захотела с его изображением уехать в рай? Я плакал от умиления и счастья. Как прекрасно работать в фирме, которая осуществляет желания, делает наших прекрасных усопенных счастливыми.

Я опустила голову. Да уж... Похоже, та теща просто до смерти любила зятя, прямо жаль незнакомого парня делается.

Леонид убрал платок.

– Матрас в пентхаусе на ваш выбор, разновидностей масса. Внутренняя обивка тоже. Количество подушек и одеял зависит исключительно от желания усполяемого.

– Можно пентхаузинку пощупать? – поинтересовался до сих пор молчавший Антон.

– Пожалуйста. Если пожелаете прилечь и примерить, устраивайтесь, – засуетился Леонид.

Водитель пошел к конвейеру, а менеджер повернулся к Ивану.

– Разрешите дать совет? Оборудование пентхауса и организация вашего путешествия в рай хлопотное, кропотливое дело, важно учесть все-все, массу деталей. Ну, например, на чем везут пентхаус к аэропорту.

– Я собираюсь купить место на Новодевичьем, – прервал зашедшегося в экстазе гробовщика Зарецкий. – Никуда транспортировать пентхаус не придется.

– Великолечно! – возликовал сотрудник фирмы. – Хотя для нас нет преград, отправим любого в любую точку на карте Земли и неба. Разрешите поздравить вас с прекрасным выбором. Новодевичий аэродром восхитителен.

Я прикусила губу. Ага, теперь ясно: пентхаус – гроб, кладбище – аэродром, могила – рай. Я стала понимать Леонида. Наверное, скоро начну употреблять восхитительное словечко «усопение».

– Но как вы поедете к месту отправки в рай? – продолжал Леня. – На особой машине? На лошадях? Помню, отвозили дорогого усопленного на слоне. Боже, как торжественно, восхитительно, я плакал от восторга!.. Так к чему я веду речь. Существует армия деталей, о которых люди, собираясь усопить усполяемого, и не подозревают.

Я навестила уши, уловив новый оборот. Усопить усопленного? Великолепно!

– Ленточки на цветах, особые украшения для стола, форма для музыкантов и лифтеров, – тараторил Леонид.

Я осторожно посмотрела на примолкшего Ивана. Лифтерами, надо полагать, менеджер называет могильщиков. Чудесно! Сейчас зарыдаю от умиления!

– Обычно мы с кондуктором-распорядителем, которого нанимают родственники, два дня не спим, не едим, пока организовываем церемонию, – заходился менеджер, – но у вас есть время. Вижу, вы устали, слишком много информации получили. Надо передохнуть. Я от души советую хорошо пообедать, выспаться и для начала подумать над двумя вопросами: какую книгу берем для театрализованного представления и какой пентхаус оборудуем. А уж потом спокойненько продолжим обсуждение.

– Обмана нет, – подал голос Антон и постучал пальцем по гробу, – натуральное дерево, массив. Уж я-то хорошо разбираюсь в этом вопросе. Десять лет, пока был на зоне, на лесопилке отпахал.

– Восхитительно! – по привычке воскликнул Леонид. – У нас на все имеются сертификаты качества, здоровью усопленного ничто не повредит.

* * *

Когда мы вышли из погребальной конторы, Иван Николаевич спросил:

– Виола, ваше мнение?

– Не предполагала, что похороны, простите... отлет в рай столь масштабное мероприятие, – пробормотала я.

Зарецкий улыбнулся.

– Я нашел самую лучшую фирму. Спасибо вам за помощь.

– Не особенно-то она была большая, – смутилась я, – просто сидела рядом с вами.

– То, что вы находились около меня... это... это... слов нет, – выдохнул олигарх. – Но мы только начали. Без вас, Виола, мне не выбрать пентхаус и не придумать церемонию. Нет, нет, не волнуйтесь. Сценарий по вашей книге напишет нанятый человек, а вы просто еще пару раз съездите со мной в агентство. Понимаете, я всю жизнь упорно занимался бизнесом, на личную жизнь времени не было, ни жены, ни детей, ни любовниц нет.

– Это правда, – встрял со своим ценным замечанием Антон, – босс одинок, как собака Лайка в космосе.

– И вот сейчас, когда пришло время подводить итоги, вокруг – никого, – продолжал Иван Николаевич. – Не подумайте, что я жалуюсь, просто констатирую факт. Кроме вас, во всем мире у меня нет ни единой родной души.

Вероятно, я не смогла удержать на лице вежливую улыбку, потому что Зарецкий резко повысил голос:

– Поймите меня правильно, я не имею в мыслях докучать вам. Нет, нет и нет! Вы для меня – солнце, а ведь в его лучах дозволено греться всем, от короля до таракана.

Зарецкий умолк.

– У шефа есть все ваши книги, по два издания, в бумаге и картонном переплете, – сообщил Антон. – Еду ему готовят по вашим рецептам, он даже курить бросил, потому что узнал: Виола Ленинидовна от табачного дыма кашляет.

Мне вдруг стало жаль Ивана Николаевича – денег много, а счастья нет. И с головой у него все-таки, похоже, проблема. Надо же, человек еще пятидесятилетие не справил, а уже собрался садиться в лифт и рулить в пентхаус. Черт возьми, я, кажется, заразилась от Леонида ритуальной лексикой!

– Вы уж его не бросайте, – занудил Антон. – Правда, я босса готовил, предупреждал: «Арина Виолова стоваттовая звезда, на простых смертных не

посмотрит, общается с президентами-королями, в Кремле обедает...»

– Не говорите глупости! – вспыхнув, перебила я. – Ни разу меня не приглашали ни на один торжественный прием, чему я очень рада, потому что непременно запутаюсь в огромном количестве вилок-ножей. Знакомых среди царствующих особ не имею и в Кремле не обедала. Пожалуйста, перестаньте меня нахваливать, я некомфортно себя чувствую. Конечно, я помогу Ивану Николаевичу, съезжу с ним к Леониду столько раз, сколько надо, прочитаю сценарий, сделаю все необходимое.

Не успела последняя фраза вылететь изо рта, как я пожалела о том, что сказала. Знаю за собой одну особенность. Если человек начнет нагло требовать: «Вилка, живо сбегай в магазин, мне нужно то-то и то-то!» или: «Немедленно помоги, ты обязана проявить милосердие!» – вот тут у меня шерсть на загривке встанет дыбом, и я мигом отвечу: «Никому ничего не должна, до свидания». Но мне всегда делается жаль того, кто говорит о своем одиночестве, и тогда я могу пообещать все, что угодно. А потом придется держать слово.

– Боже, вы ангел! – выдохнул Зарецкий. – Светлый, чистый...

И тут, на мое счастье, у банкира затрезвонил мобильный. Он схватил трубку и забубнил:

– Ну... Да? Сколько? Хорошо.

Потом повернулся ко мне.

– С сегодняшнего дня многие маршрутные такси города начали продажу детективов Виоловой. Это трехмесячная акция, потом я придумаю новую. И вот что интересно: в некоторых микроавтобусах детективы уже закончились. Понимаете, как вас любят?

– Разве водитель имеет право распространять печатную продукцию? – удивилась я.

Зарецкий прищурился, но ничего не ответил. За него высказался Антон:

– Коли шеф чего придумал, его и атомная война не остановит. Если препятствие на пути вырастет, оно его только раззадорит. Подумаешь, нет прав на торговлю! Разве это Ивану Николаевичу помеха? Босс, вы не забыли про совещание? Ехать пора!

– Извините, Виола, – смутился олигарх, – дела зовут, придется вас покинуть.

– Сама спешу в издательство, – сообщила я.

– Непременно позвоню вам, – пообещал Иван Николаевич. – Разрешите усадить вас в машину? Экая она у вас крошечная. И не производит впечатления безопасной. Не устаете за рулем?

– Случается, – честно ответила я, устраиваясь за баранкой. – В особенности если приходится долго толкаться по пробкам.

– Вам нужен личный шофер, – задумчиво протянул Зарецкий. – Устроитесь на заднем сиденье и будете обдумывать новую книгу. Или по телефону поболтаете. Почему Константин не наймет водителя для любимой женщины?

Ответить честно? Сказать, что я не принимаю подарков от богатого любовника и не нахожусь у него на содержании? Меня можно сравнить с кошкой, которая гуляет сама по себе и не желает ни от кого зависеть.

– О нет! – засмеялась я. – Водитель станет болтать, грузить меня своими проблемами, жаловаться на жену, детей-грубиянов, от него будет пахнуть табаком или резким парфюмом. А еще он может раззвонить всем, о чем и с кем я беседую по телефону, даже передать информацию желтой прессе. Лучше уж вымотаться в дороге. Потом приеду домой, приму душ, попью чайку и – снова бодренький огурчик. Да и где найти непьющего парня, который прекрасно водит машину? По объявлению в Интернете?

Иван Николаевич нахмурился.

– Конечно нет. Я не верю сведениям, выловленным в болоте поисковой системы. Нельзя нанимать человека, не узнав его подноготную. И в агентство по найму персонала обращаться не советую. Там очень часто не проверяют тех, кого

рекомендуют.

– Короче, рулить мне и дальше самой, – оптимистично завершила я разговор и, помахав Зарецкому рукой, влилась в поток транспорта на проспекте.

Глава 7

Слава богу, на шоссе не было заторов. В «Элефант» я приехала около пяти и сразу поднялась на этаж, где располагается кабинет Веры. Беспокойство за судьбу Филипповой, утихшее вчера после слов Андрея о маске оборотня и комментария Марты про любителей экстремального секса, сейчас вспыхнуло с новой силой. Всю дорогу от конторы гробовщиков до издательства я пыталась дозвониться до пиарщицы, но ее телефон повторял: «Абонент временно недоступен». И сейчас, поднимаясь в кабинет, я твердила про себя: «Не стоит беспокоиться. Я звонила Филипповой с четырех часов дня. Она стопроцентно проводит совещание, поэтому выключила сотовый. Вера терпеть не может, когда ее дергают во время обсуждения какого-нибудь проекта, и злится на сотрудников, если им звонят».

Сразу дойти до кабинета Веры мне не удалось. Выйдя из лифта, я, как обычно, подошла к ресепшн, где восседала секретарь Леночка, и та затараторила:

– Виола Ленинидовна! Вы знаете, какой торт прислал на ваше имя Зарецкий? Ну, тот самый олигарх, который купил бизнес Кузьмичева?

– Слышала про торт, но еще не видела его, – ответила я.

– Вау! – вытаращила глаза девушка. – Его поставили в конференц-зале, и все уже там – любуются.

– И Вера тоже? – обрадовалась я.

– Ну конечно, – заверила секретарша. – Где ж ей быть? Филиппова всегда на работе.

Из моей груди вырвался вздох облегчения. Ну, Вилка, ты просто самозаводящаяся система! Заведующая пиар-службой в полном порядке, не стоило придумывать глупости.

Ругая себя за вчерашний вызов Костомарова и за сегодняшнее беспокойство, я открыла дверь в зал и остолбенела. Посередине большого стола возвышалось нечто, смахивающее на пирамиду Хеопса. На вершине сооружения, облитого разноцветной глазурью, громоздилась здоровенная шоколадная фигура, у которой на месте лица была моя фотография. А чтобы никто не усомнился, чья скульптура украшает сей раблезианский бисквит, на груди «статуи» белела табличка с сообщением: «Лучшая писательница мира Арина Виолова». Вокруг толпилась тьма народа – похоже, все сотрудники «Элефанта» бросили работу и прискакали поглазеть на шедевр.

– Вилка! – взвизгнула заведующая отделом прозы Люся Коткина. – У меня слов нет, остались одни междометия!

Я начала медленно обходить стол. Лично у меня и междометия закончились. На шоколадной писательнице было мое любимое голубое платье, на шее жемчужные бусы, которые я всегда надевала к нему. Бежевые туфли и разноцветная сумка в левой руке дополняли прикид. В правой длани мой шоколадный двойник сжимал рукопись, на которой было выведено название: «Гениальный роман». Вся одежда и стопка бумаги, похоже, вылеплены из марципановой пасты.

– Супер, да? – не успокаивалась Людмила. – Хорошо иметь в друзьях Зарецкого. Чего молчишь?

Я закашлялась. А что сказать?

– Увезешь домой или нас, простых смертных, не звездных и не великих, угостишь? – надрывалась Коткина.

Ко мне вернулся дар речи.

– Пожалуйста, режьте торт.

– Ленка, – заорала Люся, распахивая дверь в коридор, – тащи сюда одноразовые тарелки, чашки и ставь чайник, будем жрать Виолу! Сбылась мечта редактора – давно хотела съесть кого-нибудь из писателей. Чур, мне правую, толчковую, то бишь пишущую руку...

Леночка принялась раздавать бумажную посуду и пластиковые столовые приборы, я же внимательно изучала работников «Элефанта». Веры среди них не было видно. Взгляд наткнулся на Марину Галкину, одну из подчиненных Филипповой, и я стала протискиваться к ней сквозь толпу.

– Виола, а ты на редкость вкусная! – визжала между тем Коткина. – Никогда такого шоколада не пробовала, и бисквит объединение. Эх, разнесет меня из-за Таракановой... Дайте еще кусок, да побольше!

Я наконец-то добралась до Марины и тронула ее за локоть.

– Вилочка! – обрадовалась она. – Не обращай внимания на Люську, она просто тебе завидует. Сама накропала криминальный роман, хвасталась всем, что Арину Виолу своим талантом и гигантскими продажами в угол запинаят, но – повисло ее великое произведение на складе в остатках. А торт и правда роскошный. Можно я домой кусочек отнесу, Мишку с Настей угощу?

– Найди коробку и забирай своим детям хоть все это безумие, – сказала я. – А где Вера?

– Пока не приходила, – без тени волнения ответила Марина. – Вроде вчера говорила, что с утра с каким-то автором пересекается. Ой, у тебя мобильный в сумке звонит.

Я вынула трубку и услышала вежливый мужской голос:

– Госпожа Тараканова?

– Да.

– Вам знакома Вера Филиппова, проживающая в поселке Тихий, улица Садовая, дом пять?

Мне стало страшно.

– Я знаю Веру. А вы кто?

– Вас не затруднит подъехать ко мне в офис? – задал свой вопрос незнакомец.

– Для начала представьтесь, – потребовала я.

– Валерий Индюкович Буратино, – прозвучало из трубки.

Я поняла, что кто-то, вероятно пранкер[2 - Телефонный хулиган.], решил меня разыграть, хотела найти достойный ответ, но шутник добавил:

– Заместитель начальника особой бригады номер четыре.

– Вашего шефа случайно не Олег Куприн зовут? – уточнила я.

– Правильно, – согласился после короткой паузы хулиган, явно не подозревавший, как хорошо я знаю Олега. – Так явитесь по адресу? Отправляю его вам эсэмэской.

– Уже бегу, – пообещала я. – Но предлагаю альтернативное место встречи.

– Какое? – попался на удочку болван.

Я на секунду призадумалась.

– Через пятнадцать минут встречаемся в кафе «Три поросенка» на улице Михаила Топтыгина. Не опаздывайте, я человек чрезвычайной занятости, ждать не стану. До свидания, дорогой Буратино, надеюсь, вам не встретится лиса Алиса. О, примите дружеский совет: никогда не зарывайте деньги на Поле Чудес в Стране Дураков.

– Эй, постойте! – донеслось из сотового.

Идиот явно хотел продолжить беседу, но я уже отсоединилась и пошла в туалет, раздумывая, что делать дальше. Наверное, надо сообщить Костомарову, что Вера не появилась на службе.

В тот момент, когда я тщательно намылила руки, телефон, положенный на полочку, естественно, начал трезвонить. На дисплее высветилось имя «Олег».

Я схватила трубку.

– Знаешь Веру Филиппову? – забыв поздороваться, как всегда, очень громко спросил бывший муж.

У меня затряслись руки.

– Да.

– Можешь приехать прямо сейчас? Наш офис теперь находится по новому адресу, вышлю его эсэмэской.

– Что случилось? – чувствуя приближение большой беды, пролепетала я.

– Это не телефонный разговор.

– Хоть скажи, она жива?

– Ты приедешь?

– Уже выхожу из издательства.

– Ты находишься в «Элефанте»? Отлично. Мы недалеко расположены, – обрадовался Олег.

* * *

Прошли те времена, когда я так злилась на бывшего супруга, что не могла его видеть[3 - Почему Олег и Вилка развелись, рассказано в книге Дарьи Донцовой «Зимнее лето весны», издательство «Эксмо»]. Теперь нас связывают ровные отношения, а Тонечка, вторая жена Олега, не только моя лучшая подруга, но и родственница[4 - Подробно об этом читайте книгу Дарьи Донцовой «Ночной кошмар Железного любовника», издательство «Эксмо»].

– Что с Верой? – спросила я, ворвавшись в кабинет Куприна.

Олег показал рукой на стул.

– Устраивайся и познакомься с моим новым заместителем Валерием Индикичем Пиратино.

– Ой... – вырвалось у меня. – Извините, это вы звонили? Не расслышала вашу фамилию, да и отчество у вас очень редкое. Подумала, кто-то решил пошутить и...

Сообразив, что несу чушь, я замолчала.

– Ерунда, я давно привык к такой реакции людей, – улыбнулся симпатичный брюнет, стоящий у окна. – Те, кто со мной впервые встречается, зовут меня Валерием Индюковичем Буратино. Ну не объяснять же всем, что мой предок итальянец, которого в конце восемнадцатого века пригласили обучать пению дочь дворянина Рязанова. С тех пор имя Индик получает кто-то из мальчиков семьи Пиратино, как правило, первенец. Мне повезло, я у родителей третий по счету. Индик Индикич как-то уж чересчур.

– Потом о пращурах побалакаете и генеалогические деревья друг перед другом потрясете, – недовольно сказал Олег. Он вынул из ящика стола листок бумаги в запечатанном прозрачном пакете и положил его передо мной. – Твое произведение? Спрашиваю для проформы, я узнал почерк под названием «куриная лапа».

У меня екнуло сердце.

– Да. Как записка, адресованная Вере, очутилась у вас?

– Написано вчера, ты поставила дату и время. Но так обычно не поступают, – игнорируя мой вопрос, продолжал Куприн.

– Немедленно объясни, что с Верой! – налетела я на него. – В противном случае ничего не скажу.

Олег промолчал, за него высказался Валерий:

– Филиппова мертва.

– Ее убил оборотень! – закричала я. – Костомаров – идиот! А ведь я говорила ему... просила срочно организовать поиски... Но нет, Андрюша все твердил про маску и любовника. Веру могли спасти! Никогда не прощу ему ее смерть. Он мне больше не друг!

Руки сами собой сжались в кулаки, я застучала ими по столу Куприна.

– Накажи Андрея! Он допустил преступную небрежность!

Олег отвернулся к стене, а его новый заместитель подал мне бутылку минералки.

– Выпейте. Принести вам валерьянки?

– Это не скоромощное средство, – всхлипнула я, вытирая ладонью слезы, – имеет накопительный эффект, действует спустя неделю-другую после начала регулярного приема.

– Да ну? – удивился Пиратино. – А моей бабушке помогает сразу.

– Эффект плацебо, – ответила я, ощущая, как откатывает истерика.

– Успокоилась? – обрадовался Олег. – Теперь рассказывай.

Мне хватило десяти минут, чтобы ввести их в курс дела.

– Значит, находясь в доме Веры, ты сначала испугалась, решила, что Филиппову похитило чудовище, и позвонила Костомарову... Кстати, почему не мне? – недоуменно спросил Куприн. – Я опытнее и умнее твоего Андрея.

– Он не мой, – резко ответила я. – О тебе я просто не подумала.

– Ага, – кивнул Олег. – А Костомаров, значит, выдвинул версию про любовника в маске. Очень интересно. С чего это Андрюша сразу подумал о сексе, озабоченный наш?

Я зла на приятеля, но ведь надо быть объективной.

– Андрей решил, что в доме нет следов борьбы. И, надо отметить, большого беспорядка действительно не было. Всего-то открытая дверь холодильника, несколько овощей на полу и кастрюля с варящимися сосисками на плите. Ни разбитой посуды, ни разбросанной мебели, ни пятен крови.

Олег свел брови в одну линию.

– Ты ему поверила и накатала эту ехидную записку: «Вера! Не застала тебя дома. Пиццу съем сама. Жаль, не удалось поговорить. Вероятно, ты забыла о нашей встрече. Ну да, писатели люди свободные, им не жаль пару часов на дорогу туда-сюда потратить и занятия по скалолазанию отменить. Виола». А число и время, надо думать, поставила, чтобы укорить Веру. Я правильно понял?

– Не очень-то красиво было оставить такое послание, – на меня накатило смущение, – но я здорово обиделась на Филиппову.

– Ясно. Спасибо, – сухо произнес Олег.

– Что с ней случилось? Где ее нашли? Когда? – посыпались из меня вопросы.

Олег встал и повторил:

– Спасибо. Можешь уезжать.

– Я имею право знать, что случилось! – возмутилась я.

– Нет, – отрезал Куприн.

– Надо искать оборотня, – занервничала я, – могу помочь составить фоторобот.

По лицу бывшего супруга пробежала усмешка.

– Вилка, Костомаров кретин, но в одном он прав: обратной не существует. Возможно, на преступнике в самом деле была маска. Отправляйся домой, когда понадобится, тебя вызовут.

Я крепче вцепилась в подлокотники неудобного жесткого кресла.

– Вчера я пошла на поводу у Андрея, который очень убедительно говорил про любовника Филипповой, да и Марта Ободзинская внесла свою лепту, рассказав о людях, предпочитающих в сексе экстрим...

– Прости, мне некогда продолжать беседу, – остановил меня Куприн. – Понял твою позицию. Еще раз спасибо.

Но меня не так просто заткнуть.

– Сейчас я прокрутила в голове все, что видела вчера, и уверена: во дворе был настоящий оборотень. Он шел как монстр, то есть согнувшись, спина сутулая, почти круглая, ноги короткие, шеи практически нет, похож на большую обезьяну...

Олег, демонстративно посмотрев на часы, снова перебил меня:

– Валера, проводи писательницу.

Я рассвирепела.

– Ну как мне убедить тебя? Называешь Костомарова дураком, а сам поступаешь, как он, не желаешь выслушать свидетельницу!

Куприн молча вышел из кабинета.

– Мы обязательно проверим любую зацепку, – завел нудятину Пиратино, – не переживайте. В доме Филипповой работают эксперты, они соберут материал, его тщательно изучат в лаборатории. Где припаркована ваша машина?

– Что случилось с Верой? – спросила я, когда Валерий вел меня к лифту. – Пожалуйста, скажите!

Пиратино прижал руку к сердцу.

– Виола Леонидовна, вы же были замужем за полицейским и прекрасно должны понимать: мы не имеем права рассказывать посторонним детали. Успех дела...

Я вошла в подъехавшую кабину.

– Спасибо, Валерий Индюкович.

– Индюкович, – привычно поправил Пиратино. – Я доставлю вас к автомобилю.

– А мое отчество Ленинидовна, – ехидно уточнила я. – Никуда доставлять меня не надо, великолепно доберусь до парковки сама. Прощайте, господин Буратино. Не волнуйтесь, я не собираюсь бродить по этажам, подсматривать в замочные скважины и подслушивать разговоры членов особой бригады.

– Что вы, – смутился заместитель Олега, – я хотел из вежливости...

Я быстро нажала на кнопку, и двери кабины сомкнулись.

Глава 8

Если человек упорно не желает сообщать вам некую информацию, подумайте, кто еще, кроме него, может обладать интересующими вас сведениями.

– Как хорошо, что ты уговорила меня зайти в кафе! – воскликнула Тонечка, кроша чайной ложкой пирожное. – Сто лет не виделись!

Я отхлебнула чай.

– Всего-то две недели. Зато каждый день перезванивались. Сейчас мне срочно нужна твоя помощь.

Тоня отложила ложку.

– Вся внимание.

– Куприн, случайно, не успел рассказать тебе о Вере Филипповой?

Антонина подперла щеку ладонью.

– Фамилию слышала, но не от него. Мишка Гольдин, эксперт, забежал ко мне в кабинет, попросил кое-какие материалы. Я ему сказала: «Сейчас закажешь – завтра получишь». Так он чуть не зарыдал...

Я терпеливо ждала, пока моя подруга и родственница подберется к сути вопроса. Моя не так давно обретенная двоюродная сестра ранее работала в полицейском архиве. Когда Олег возглавил особое подразделение, им выделили просторное здание, у бригады появился свой архив, и Тонечка перебралась туда. Конечно, сейчас информация хранится в электронном формате, но огромное количество материалов по-прежнему существует в бумажном виде, Антонина отвечает за эту часть. А еще в ее обязанности входит обращаться в разные места и снабжать Олега и его сотрудников всякими нужными им документами.

Эксперт Миша Гольдин хотел получить бумаги, связанные с убийством двух женщин – Светланы Крюковой и Нелли Щаповой. Услышав, что получит их завтра, он взмолился:

– Пожалуйста, задержись! У меня на столе лежит тело Веры Филипповой. Я уверен, что ее убил тот же, кто лишил жизни Щапову с Крюковой. Понимаешь, этим двум жертвам посвящено мое научное исследование, и я Олегу рассказал, что их связывает с Филипповой, а тот велел идти к тебе. Моих записей Куприну,

видите ли, недостаточно.

Все в бригаде знают, что Гольдин человек увлекающийся. Вообще говоря, от него требуется изучить улики, написать отчет и передать его Олегу. Придумывать версии на основании заключений Михаила – работа других людей. Но в экспертизе пропал Шерлок Холмс, на всех совещаниях он фонтанирует идеями, причем некоторые из них совсем не глупы. Остановить парня невозможно, он трудоспособен, как египетский раб, готов с утра до вечера сидеть над микроскопом и частенько остается ночевать в лаборатории. Семьи-то у него нет. И мне это совсем не кажется странным. Ну кто согласится жить с человеком, который за обедом восторженно и детально рассказывает о содержимом желудка трупа?

– У нас серийный маньяк, – внушал Михаил Тоне. – И пока никто, кроме меня, этого не понял. Смерть Крюковой и Щаповой признали несчастным случаем. Только я убежден: их отправил на тот свет один и тот же человек. Понимаешь, когда у двух жертв такие глаза, это еще можно посчитать совпадением, но если у трех...

Тонечка поняла, что Гольдин от нее не отстанет, и объяснила:

– Материалы надо заказывать. Крыльев у дел нет, они не прилетят со скоростью мухи.

Пришлось-таки эксперту уйти несолоно хлебавши.

– Можешь разузнать подробности? – попросила я. – Что там выяснил Миша?

– А зачем тебе? – спросила подруга.

Я рассказала о событиях вчерашнего вечера. Тоня тихо ахала, а потом промямлила:

– Оборотень? Хм, это как-то слишком...

– Я видела его как тебя! – запальчиво воскликнула я.

– Ой, мама! – подпрыгнула Тоня. – Небось испугалась?

– Есть немного, – призналась я. – Поселок-то неохраемый, обычное дачное место, шестисоточные участки со щитовыми домиками. Осенью в нем практически никто не живет. А коттедж Веры стоит на отшибе, последний у леса, и земли там тридцать пять соток. Вроде муж Ангелины Федоровны, бабушки Филипповой, был председателем садового товарищества, поэтому отхватил для строительства самый большой и тихий участок.

– Вот же нравится некоторым людям жить фиг знает где, без удобств, – поежилась Тоня. – У твоей знакомой что, московской квартиры нет?

– Вроде есть, но, кажется, совсем маленькая, однокомнатная, – засомневалась я. – Филиппова как-то обмолвилась, что очень ее не любит. А бабушкин дом вызывал у Веры самые приятные воспоминания. Я не знала, что она воспитывалась в интернате, она мне об этом только вчера днем сказала.

– Бедняга, – пожалела Филиппову моя двоюродная сестра, – не повезло ей.

– Вера перестроила здание, сделала его пригодным для круглогодичной жизни. Там есть все: отопление, водопровод, электричество, санузел, даже телефон, и Интернет подключен, – перечислила я. – Поселок сейчас практически Москва. Слушай, а поеду-ка я туда...

– Зачем? – насторожилась Тоня.

– Поброжу по участку, осмотрю дом. Вдруг что-нибудь интересное обнаружу? – пожала я плечами.

– Там работали эксперты, – напомнила Антонина, – все улики собрали.

– Кое-что могли не заметить, – уперлась я.

– Ребята, небось, на коленях по саду проползли, они ж у нас дотошные, – возразила Тоня.

Но я не изменила своего решения.

– И тем не менее я скатаюсь.

– Еду с тобой, – объявила Тонечка. – На чьей машине порулим?

– Олегу не понравится, если он узнает, что ты отправилась со мной на место преступления, – предостерегла я действующую жену Куприна.

Антонина беспечно махнула рукой.

– На меня ругань не действует, я просто ее не слышу. И Куприн эсэмэску прислал: «Занят. Если не приду ночевать, не волнуйся». Поскакали? Так на чьем коне порысим?

– На твоём, – решила я, – надоело руль крутить.

– Заметано, – согласилась Тонечка.

* * *

Дверь в коттедж оказалась закрыта, и на косяке дергалась под ветром белая бумажка с печатью.

– Опечатано, – расстроилась Антонина.

– Экая беда, – не смутилась я. – Во-первых, клочок легко отклеить, а во-вторых, он уже сам почти отвалился.

Подруга подергала ручку.

– Знаешь, где Вера прятала ключ?

– Не-а. – Я пнула створку. – Впервые вижу ее запертой. Думаю, черный вход эксперты тоже не оставили нараспашку.

– Жаль, не попадем внутрь, – расстроилась моя соратница. – И снаружи участок не осмотрим, освещение выключено.

– Никогда нельзя сдаваться, – пропела я, – всегда надо хорошенько посмотреть по сторонам, и решение проблемы обязательно найдется. Видишь окошко чердака? Оно вроде приоткрыто. А у сарая стоит длинная лестница. Ход моих рассуждений понятен?

Минут через десять мы с Тоней очутились в коттедже, опустили плотные рулонки на окнах, зажгли в доме свет и застыли посреди кухни-столовой.

– Эксперты – свиньи, – покачала головой подруга, – засыпят все своим порошком, развезут грязь и уйдут. А убирать кому?

– Сейчас можно вызвать специальную службу, которая отмывает места преступлений, а раньше жильцам самим с тряпками приходилось возиться, – произнесла я. – И дисперсная черная пыль не самое страшное. Представь, каково тем, у кого в доме убили человека? Давай поступим так: ты осмотришь второй этаж, а я первый.

– Что ищем? – деловито осведомилась Тонечка.

– Не знаю, – призналась я. – Хочу попытаться восстановить, чем занималась Вера в тот момент, когда ее схватил оборотень. Как он попал в дом? Выходил он точно через заднюю дверь, в парадную вошла я.

Тонечка кашлянула.

– Вилочка, Олег всегда говорит, что заикленность на одной версии самая большая глупость, которую совершает следователь. Надо рассматривать все варианты. Предлагаю разрабатывать такие: Филиппову убил любовник, обычный грабитель, некто, связанный с издательством «Элефант», или оборотень.

Я опустилась на диван, а она воодушевленно продолжала:

– Любовник может быть женат, Филиппова требовала развода, обещала настучать супруге о его измене. Старый как мир мотив для убийства. Грабитель,

вероятно, наркоман, алкоголик, уголовник, элементарно хотел украсть деньги, столовое серебро. Далее. Вера занимает высокий пост в «Элефанте» и могла обидеть какого-то автора. Ну, не распиарила, допустим, чью-то книжку, роман не продавался, писатель не получил гонорара, на который рассчитывал... Или она насолила сотруднику, притормозила его карьеру. А оборотень просто зверь, ему мотива для убийства не надо.

– В твоих словах есть резон, – согласилась я. – Но зачем уносить Веру? Почему не убить ее в доме? Жаль, мы не знаем ни малейших обстоятельств ее смерти. Где нашли тело? В каком оно состоянии? Что известно Олегу?

– Ответ на последний вопрос я дам, возможно, уже сегодня, – пообещала Тоня. – Куприн любит рассуждать вслух, так что я узнаю все, когда он домой заявится.

Я встала и подошла к плите. Это верно, когда мы жили вместе, муж, придя домой, раскладывал на столе фотографии, разные документы, перебирал их и спрашивал, например:

– Если она пошла с ним в ресторан, то почему у нее в желудке пусто, а, Вилка?

Сначала я пугалась и вопросов Олега, и жутких снимков с места преступления, потом привыкла, стала высказывать собственное мнение. Допустим:

– Некоторые тетки зациклены на диете, они не станут ужинать, даже если их пригласили в ресторан, попьют простой воды.

Куприн, сам того не желая, обучил меня ремеслу следователя, а теперь страшно недоволен, если я применяю полученные от него знания на практике.

– Ладно, поползу наверх, в спальню, – вздохнула Тоня.

Примерно час я изучала столовую-кухню, гостиную и не нашла ничего интересного. Разве что поняла: Вера не страдала алкоголизмом, все бутылки в баре стояли закупоренными. Единственной открытой оказалась пузатая емкость с ликером «Шерри». Наверное, Филиппова наливала его в чай или кофе.

Испытывая разочарование, я поднялась наверх и спросила у Тони, сидевшей в кресле с фотоальбомом в руках:

– Нашла что-нибудь?

Она отложила альбом.

– Удивительно, в нем нет ни одного детского снимка.

– Ничего странного, она воспитывалась в детдоме, – напомнила я. И открыла шкатулку, стоявшую на тумбочке.

Внутри не было ничего интересного. Так, грошовый браслетик с надписью «Maldives», с которого свисал брелок в виде крохотной куколки на золотой цепочке. Такие сувениры охотно покупают на Мальдивах туристы. У меня самой есть похожий.

– И еще это, – показала на кровать Тонечка.

Я глянула на покрывало и вздрогнула. На серо-розовом пледе лежала грубо сделанная кукла вуду размером с буханку хлеба. Обычно колдовские атрибуты не имеют лица, но у этой на его месте была приклеена фотография мужчины.

– Понять не могу, откуда его знаю, – продолжала Антонина. – Точно физиономию эту видела. И почему-то кажется, что это дядька из моего детства.

Я взяла тряпичную куклу.

– Перед нами фото Андрея Борисовича Расторгуева, советского актера, безумно популярного до перестройки. В те годы фильмы с его участием постоянно показывали по телевизору, да и сейчас их иногда демонстрируют, например «Ветер странствий», «Приключение под парусом», «Школьная рапсодия».

– Верно! – подпрыгнула Тонечка. – Ну и дела... Вера ненавидела Расторгуева? Посмотри, кукла вся истыкана булавками. И похоже, ее еще жгли сигаретами, вот характерные круглые следы с опаленными краями. Что плохого артист сделал Филипповой?

Я не могла оторвать взгляда от поделки, бормоча:

– Вера... Вера... Вероника... Но та девочка была Борисова, а не Филиппова... Так, надо срочно узнать, не выходила ли Верочка замуж. Вероятно, она оформила брак в юности, взяла фамилию супруга, развелась с ним, а документы менять не стала. Георгий Петрович, ну тот мужчина, который стал фактически отцом детдомовки, не Филиппов, а Мишкин. Неужели Вера – это Вероника?

– Ты о чем? Объясни! – потребовала Тоня.

Глава 9

– Помнишь историю про отель «Нирвана»? [5 - Подробно события, произошедшие в отеле «Нирвана», описаны в книге Дарьи Донцовой «Кнопка управления мужем», издательство «Эксмо».] —спросила я.

– Такое забудешь! – Антонина поежилась.

– В соседнем со мной бунгало жил Андрей Борисович Расторгуев вместе с сыном Николаем... – начала я. Но сестра перебила:

– Неужели артист еще жив? Сколько же ему лет?

– Андрей Борисович недавно скончался, – пояснила я. – До последних дней он сохранял острый ум и физическую подвижность, а вот глаза подвели. Расторгуев практически ослеп, различал лишь свет и темноту. За ним преданно ухаживал сын, хотя потом выяснилось, что Николай никакой ему не родственник.

– А кто? – снова нетерпеливо спросила Тонечка.

Я постаралась не раздражаться.

– Фанат Расторгуева. Он обожал актера и прикинулся его ребенком.

– Зачем? Почему Андрей Борисович не понял, что рядом с ним чужой человек? – сыпала вопросами Тоня.

– Если ты и дальше станешь меня перебивать, то никогда не услышишь историю до конца! – вспылила я.

Антонина закрыла рот ладошкой.

– Все, все, молчу.

– Вот и хорошо, – кивнула я. – Лучше семь раз промолчать и один раз сказать, чем наоборот. Итак, слушай...

Андрей Борисович отдал жизнь искусству. Нет, он не был монахом, пользовался успехом у женщин, один раз официально женился, имел сына.

Супругой Расторгуева стала его коллега Рада Федорова, она и родила мальчика Николая, брак продлился десять лет. Расстались они из-за капризов супруги. Рада не была востребована ни в театре, ни в кино, ей не давали хороших ролей, зато Андрея режиссеры буквально разрывали его на части. Большинство женщин, у которых не ладится с карьерой, махнут рукой на службу, займутся домом, ребенком и почувствуют, себя вполне счастливыми. Но Рада-то имела артистические наклонности, хотела блистать на сцене и экране, поэтому стала изводить супруга, требовала, чтобы тот, соглашаясь на съемки, договаривался и о ее участии, причем хотела получать главные роли. И в конце концов Андрей подал на развод.

Разбегалась пара некрасиво. Рада забрала квартиру, дачу и все имущество. Когда Андрей заикнулся, что ему негде жить, бывшая супруга заорала:

– Отлично! Дели жилплощадь по суду. Но тогда ты больше не увидишь сына.

Расторгуев нежно любил маленького Николеньку, поэтому отдал хабалке все, перебрался в общежитие и целый год ютился в маленькой комнатухе, пока не получил от тогдашнего московского начальства просторную двушку. Однако Рада все равно запретила ему общаться с мальчиком. Каждый раз, когда Андрей просил ее отдать ему Николашу на выходные, она заявляла:

– Хорошо. Только после того, как получу деньги на ремонт дачи.

Чтобы обнять сына, актер должен был раскошелиться. И это при том, что положенные по закону алименты Андрей перечислял без задержки.

Аппетит Рады возрастал, и в конце концов Расторгуев перестал видаться с мальчиком. Бывшая жена пару лет изводила артиста звонками, угрожала ему, плакала, выпрашивала деньги. А потом снова вышла замуж и оставила Расторгуева в покое.

Большинство мужчин, имея печальный опыт брака, предпочтет остаться холостяками или жить с женщиной, не оформляя отношений официально. Андрей выбрал второй вариант. Гражданской супругой актера стала тихая, скромная Галя Борисова, не имевшая ни малейшего отношения к миру кулис, работавшая стоматологом. Расторгуев пришел в поликлинику ставить пломбу и – очаровался симпатичной докторшей. Галина тогда воспитывала двухлетнюю дочь Веронику. Андрей прекрасно относился к девочке, и мать не стала рассказывать ему, от кого родила ребенка.

Время, проведенное вместе с Галей, Расторгуев считал счастливым и спокойным. Артист активно работал, купался в обожании публики, много зарабатывал, переехал в огромную квартиру, построил шикарную дачу, купил машину. А дома его ждала гражданская жена, бросившая работу, и милая девочка, которая, едва Андрей входил в квартиру, бросалась в прихожую с криком:

– Папочка любимый пришел!

Андрей Борисович не имел много времени на общение с семьей, Галя и Ника одни ездили отдыхать летом и большую часть года проводили вдвоем. Но было три дня, когда Расторгуев целиком и полностью принадлежал Гале и малышке – Новый год и даты рождения Ники и Гали. Какие праздники устраивал артист! К Веронике приглашали более тридцати детей, их развлекали клоуны, накрывался роскошный, обильный стол, гостям показывали спектакли, роли в которых исполняли очень известные актеры, приятели Расторгуева. Ну и, конечно, подарки. Чего только не получала Ника! У нее даже был маленький пони, который жил на даче в специально оборудованной конюшне.

И в Новый год гуляли с размахом, в доме всегда появлялись Снегурочка и Дед Мороз. А в мешке у последнего было что? Правильно, подарки. А на день рождения Гали снимали теплоход и катались по реке с шумной компанией. На палубе пел цыганский ансамбль, плясал настоящий живой медведь... Андрей сажал Нику на плечи и кричал:

– А ну, сфотографируйте нас с дочкой!

Когда Нике исполнилось восемь лет, Галя родила сына, и Расторгуев сказал ей:

– Надо нам оформить отношения, и я официально удочерю Веронику.

Но расписаться они не успели. Младенец заболел, ему срочно понадобилось переливание крови. Материнская не подошла, не совпала группа, но и отцовская оказалась непригодной. Расторгуев удивился. Несмотря на то, что врачи в один голос уверяли его: подобное случается, он обратился в лабораторию и выяснил – мальчик ему не родной. Скромная, обожающая его Галя наставила Андрею рога.

С листком с результатами анализа Андрей Борисович вернулся домой, вышвырнул за порог сожительницу вместе с Вероникой, сказав на прощание:

– Не смей подходить к моему дому ближе чем на километр. Не рассчитывай на алименты, твои дети мне чужие. Если подашь в суд и попытаешься доказать, что вела со мной совместное хозяйство и теперь имеешь право претендовать на квартиру плюс денежное содержание, я расскажу прилюдно, какая ты шлюха. Исчезни из моей жизни вместе со своими выродками. Я могу простить все, кроме лжи.

С тех пор артист даже не думал регистрировать отношения со своими пассиями. И если понимал, что они грозят превратиться в длительные, мигом отталкивал от себя любовницу.

Звезда Расторгуева закатилась в перестройку, когда советский кинематограф развалился, а новый российский еще не зародился. Народ рыдал, глядя по телевизору бразильские сериалы. Андрей Борисович, тогда уже далеко не юный, перестал мелькать на экране.

Я посмотрела на Тонечку.

– Это одна часть истории, теперь другая.

...Пятнадцать лет назад студент мехмата Николай Зорькин нанялся медбратом в благотворительный фонд, помогавший одиноким старикам-артистам. Молодой человек не имел медицинского образования, но его взяли на работу, потому что ухаживать за инвалидами за небольшие деньги, которые могла платить милосердная организация, никто не рвался. А Николай, бедный студент, нуждался хоть в каком-то заработке.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

О том, как Вилка познакомилась с Андреем, рассказывается в книге Дарьи Донцовой «Кнопка управления мужем», издательство «Эксмо».

2

Телефонный хулиган.

3

Почему Олег и Вилка развелись, рассказано в книге Дарьи Донцовой «Зимнее лето весны», издательство «Эксмо».

4

Подробно об этом читайте книгу Дарьи Донцовой «Ночной кошмар Железного любовника», издательство «Эксмо».

5

Подробно события, произошедшие в отеле «Нирвана», описаны в книге Дарьи Донцовой «Кнопка управления мужем», издательство «Эксмо».

Купить: <https://tellnovel.com/darya-doncova/zaveschanie-rozhdestvenskoy-utki>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)